

A young man and woman are shown in a close embrace, smiling warmly. The woman is on the right, her hand resting on the man's forehead. They are both looking down and smiling. The background is a soft, out-of-focus outdoor setting with a house and a car visible. The lighting is warm and golden, suggesting a sunset or sunrise. In the top right corner, there is a circular icon with the text '16+'.

16+

Ксения Польская
В поисках тебя
рассказы

Ксения Польская В поисках тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55543099

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда ты подросток – ты ярче и острее чувствуешь жизнь. Друзья не всегда понимают, а с родителями становится действительно сложно. Неожиданно сваливается и первая любовь, очаровывая и пугая одновременно. Но, все же, ты продолжаешь поиск себя и своего места в мире, как и герои этих рассказов... Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Новеллы	4
В поисках тебя	4
Мишель	34
Три желания	58
Любить. Без надежды на взаимность	65
Рассказы	80
Кумар	80
Заботливый шёпот	84
Прощай	96
Семья	100
День Святого Валентина	106
Привет	112
Уходи	115
Автоответчик	119
(не) счастливый день	122
Новый год: любовь и слёзы	125
Живи	129
Снежинка	135
Только ты не плачь	143

Новеллы

В поисках тебя

Суббота

Я не знаю, что произошло. Просто воздух стал намного тяжелее, просто в душе появилась зияющая рана, которая, ко всей странности не болит; она сквозная, сквозь неё проходит всё и все, но я не чувствую ничего. Только пустота. Полное безразличие. Дни сменяются днями, ночи влачатся за ночами, а одинокие вечера заглушаются спиртным и сигаретами.

Ты исчезла. Просто исчезла. Скажи мне, что теперь делать с моей жизнью? Я разрушен. Разбит. Сожалею, что не ценил каждую секунду, когда мы дышали одним воздухом, шли одной дорогой, и когда мои губы касались твоей кожи...

Всё было хорошо, просто и понятно нам обоим. Ты была рядом, была со мной. А потом? Телефон не отвечает, знакомый говорит, что тебя нет в городе. Не прощалась, не говорила ничего.

Скажи мне, где ты? К чему эти исчезновения? Зачем мучить меня? Я написал тебе сотню emailов, сообщений, смс...

Но я буду искать. Найду, чтобы сказать, то, что не успел.

Как странно, только сейчас я начал понимать, что мне на самом деле нужно. Раньше, думал, прости, думал, расстаться с тобой. Вернуться к прошлой беззаботной жизни, но... теперь все иначе.

Воскресение

Зелёная брезентовая сумка, вещи, разбросанные по кровати, разбитые копилки, вскрытые записки и распечатка прошлых емейлов. Да, я иду за тобой. Где бы ты ни была, с кем бы ты ни была.... Не позволю себе отпустить тебя, не сказав главного, не услышав, причины твоего исчезновения.

Последнее:

Кому:Slevin7

Отправитель:enigmatics ky

Тема: возможно и невозможное

Здравствуй. Всё хорошо у меня, на выходных, вероятно, увидимся. Рада, что судьба нас столкнула.... Сейчас, впереди открыты все дороги. Можно бежать без оглядки вслед за мечтой, лететь за ней, чтобы понять, кто ты и что ты, чего стоит твоё «я.»

Извини, много всего странного тебе пишу. Не думай, я абсолютно нормальная девушка.

Просто: ищу себя.

Странная моя... Моя ли? Нет. Чья-то и где-то затерянная. Как она ищет себя? Где и зачем? У меня даже фото её теперь нет, и не скачать из соцсетей, ведь и там их нет. Только образ в голове. Каштановые волосы, зелёные глаза и мечтательный

взгляд. И твёрдая воля. А я и не обращал внимания, что ей так важно найти себя. Последовать за мечтой... Но, что же это за мечта? За ней ли она следует или просто решила меня бросить? Но, зачем так... Можно было просто сказать...

Может это проверка на прочность? Многие девушки используют всякие системы проверок кавалеров на вшивость, играют, выбирают, подсчитывают.... Неужели меня нужно проверять?!

Мысли скачут, как бешеные.

А если ты стала любить кого-то другого?! Обнимать, целовать, ласкать, улыбаться ему, смеяться с ним, говорить нежности...

Господи, это просто невыносимо! Расставание – это кара небесная, только тогда, начинаешь ценить, всё то, что потерял!

Роюсь в листках и наталкиваюсь на это письмо. Тоже недавнишнее.

Кому:Slevin7

Отправитель:enigmaticsky

Тема: не спрашивай, что со мной

Тебе всё равно не понять, ты не можешь залезть в мою кожу и почувствовать этот огонь, который сжигает меня. Тело зудит... Я горю. Но тебе не понять. Нет, не вникай, всё это ерунда... Ерунда...

Завтра в 11.30, в сквере, покормим голубей, перекусим и пойдём в кино.

Не опаздывай.

p.s. Кстати, я думаю о том, чтобы поработать в доме престарелых... Волонтеры этим занимаются вроде. Но мы в волонтерском отряде за год так ни разу ничего полезного и не сделали, разве, что собрали немного игрушек для детдома.

Курю третью сигарету подряд. Я не могу без тебя, но ты права. Мне не понять. Что с тобой и куда сбежала? Зачем так поступила? Если у человека всё хорошо, то он не убегает... Видимо, ты была несчастна со мной, пыталась мне объяснить, но я был глух твоим просьбам и словам. Для меня ты была чем-то само собой разумеющимся, тем, что всегда рядом, когда нужно. Я видел, ты плакала, но не мог утешить. Видя слёзы, просто терялся, не зная, что делать.

Для меня были важны другие вещи – друзья, попойки, флирт, телки, и я постоянно трепал тебе нервы. Мне стыдно. Очень стыдно за твои слезы, за ту боль, которую причинил, за то, что постоянно отключал телефон, пропадал, игнорировал, а потом возвращался, как ни в чем не бывало. И, естественно, принимал тебя, верность и нежность, как заслуженную. А ведь я – козел.

Да, если это так. Я смотрел на тебя и понимал, что ты 100 баллов. Красивая, умная, добрая, ласковая, заботливая, веселая, улыбчивая...

Господи... А я – просто козел. Ничегошеньки в последнее время для тебя не делал, совсем не удивительно, что ты сбежала.

Скидал вещи, выпил кофе и поехал к твоим родителям. Одна надежда – может они знают хоть какую-нибудь зацепку о том, где ты можешь быть...

В автобусе очень холодно, весна, но все-таки так холодно... Ненавижу зиму, всегда холодно, грустно и долго ждать весны, но, когда дожидаясь, то ненавижу весну, потому, что не могу дождаться лета, а летом ненавижу лето, потому что очень жарко, и хочется новогодних праздников... Последние три новых года мы были вместе. Ты готовила, наряжалась, а я ставил потрепанную ель, развешивал гирлянды, выпивал шампанское, клевал салатки и убегал к парням, а ты верно ждала дома, смотрела телевизор и никогда не упрекала...

Блин... хотя бы просто объяснить всё.

Дверь открыла мама. Сдержанная улыбка, светлые волосы, высокая:

– Здравствуй.

– Здравствуйте. Есть ли какие-нибудь новости? Куда она могла уехать?

– Я не знаю. Просто исчезла. Но оставила записку на кухонном столе:

Мам, пап. Я поехала в другой город. Не нужно за мной ездить. Я сама ещё ничего не знаю. Не знаю, куда меня занесёт. Не знаю, приеду я к вам ещё или нет. Но, я буду давать знать, что жива и здорова. Обещаю. Только не так скоро. Для начала, я должна где-то остановиться.

Целую.

Ясно, что ничего не ясно.

Понедельник

Кому:Slevin7

Отправитель:enigmaticsky

Тема: не нужно меня искать, а то вдруг тебе придёт это в голову

Я люблю тебя. Люблю так сильно, что боюсь задушить своей любовью, боюсь надоесть постоянным присутствием и вниманием. Это уже не любовь, а зависимость. Ты мне снишься каждую ночь, иногда мне хочется просто лечь к твоим ногам, целовать их, как псу охранять твой сон. И всю жизнь готовить тебе завтраки, обеды, ужины, рожать детей, стирать и гладить, прибираться, сдувать с тебя пылинки, целовать каждую секунду... Я не могу без тебя. И ревную ко всем и всему. Не могу совладать с собой, ты холоднее с каждой секундой, у тебя своя другая жизнь. Своё тело, мысли, чувства, желания, цели...

А я хочу быть просто частью тебя, раствориться в тебе, избавиться от постоянного одиночества, стать частью тебя – спасение для меня. Всё жду, когда... ты мне изменишь, чтобы рыдать, быть не в предчувствии печали, а именно в ней. Я чувствую, это случится, и боюсь этого ужасно, но это неизбежно, и только это освободит меня от зависимости. Только тогда смогу стать снова собой, цельной личностью, а не твоим призраком...

Скажи, что мне делать? Я не знаю, не знаю, как мне лю-

бить тебя, не пытаясь угнаться за тобой, не пытаясь постоянно держать тебя около себя, не думать о тебе?

Это зависимость. Она опускает меня в яму. Мне стало так наплевать на себя. На свои собственные цели и чувства. Всё чего я хочу – быть постоянно с тобой. Это неправильно, неправильно, неправильно!!! Это просто уничтожение личности.

Как бы мне не было с тобой тяжело – ты ведь заиклен на себе и холоден ко мне, я не смогу уйти от тебя, потому что тогда мне придется отказаться от части себя, отрезать, отпилить и будет мучительно больно. Очень больно...

Дай мне понять себя. Не дави меня собой.

Я сел в кафе. Заказал американо и штрудель с яблоками. Затем позвонил в справочную и узнал номера телефонов всех волонтерских организаций.

Часа три их обзванивал. Спрашивал. И с каждым звонком понимал, что не смогу тебя найти. Расстояние между нами может быть огромным, а может быть, и нет. Но, почему удача отвернулась от меня? Почему не могу выйти на улицу и силой своего желания и любовью притянуть тебя? Это все в фильмах и книгах – просто, а на самом деле... Я зову, но все организации посылают меня куда подальше. Одни ничего не знают о тебе, другие не ведут список сотрудников-волонтеров.

Хорошо, эти идиоты не хотят меня слушать, значит, я дол-

жен что-то делать. Думать, куда бы на ее месте подался, учитывая особенности ее интересов...

Дом престарелых! Точно!

Вторник

Отвратительно думать об одном и том же постоянно. Я думал о тебе, и мой мозг просто разрывался на части, невозможно, невозможно, думать об одном и том же постоянно! Где ты? С кем ты? Все ли с тобой в порядке? Почему ушла? Когда одумаешься и приедешь? Напишешь, позволишь? Ведь я знал. Ты любишь меня.

Но всегда ли может жить любовь? Или что-то может ее убить бесследно, навсегда? Что-то может заставить человека возненавидеть возлюбленного, оставив попытки цепляться за неудавшиеся отношения? Стать равнодушным, исчезнуть.

Я помню, помню, Боже мой, сколько раз ты реанимировала наши отношения... Сколько раз бросала все, приезжала ко мне, извинялась за мои грехи и проколы. Целовала и прощала. Все. Любила. Так сильно, как, наверное, сильно возненавидела меня. Это справедливо. Справедливо, возненавидеть такого человека, как я. Только одного не могу понять, зачем ты так долго терпела все это? Ведь я всеми своими поступками, видом показывал, что ты мне не нужна.

А теперь вот как. Теперь ты мне нужна. И даже больше, чем я тебе был нужен. Удивительно гадки мужчины. Когда добыча убегает от них, они начинают в срочном порядке догонять ее, даже если раньше воротили от нее нос.

Итак. Дом престарелых в нашем городе, на мою радость, один. Звонил – никто не отвечает. Уже вечерело, и нужно было решать вопрос как можно скорее. Авось, повезет.

Высокая пятиэтажка, видно, сталинской постройки, бледно-розового цвета, огороженная высоким забором, с внутренним двором, засаженным низкой травой и полевыми цветами. Я оглядел двор: пару березок, беседка из светлого дерева, пара скамеек, а на них старушки. Они с удивлением смотрели на меня, а я на них. Им было под девяносто, сухонькие ручки, жилистые, узловатые ноги, хмурые маленькие глазки, сгорбленная спина и собранные в пучок волосы. Они были до странности одинаковы.

Видимо, все старые люди, живущие здесь, волей-неволей копируют друг друга. Я подумал о том, что наверняка, много-много лет назад эти сморщенные бабульки, были красивы и любимы, мечтали о чем-то, строили планы, некоторые сбывались, некоторые становились постыдными разочарованиями...

Они мудры, опытни, но едва ли помнят все это, воспоминания живы только поначалу, потом все стирается, стирается, уходит вглубь... Время стирает все.

Мне стало невыносимо больно смотреть на них. Одиноких и старых. Их было жаль, но я ничем не мог помочь, жизнь вертится, время течет, мы стареем, каждый день, умирая понемногу. Живые мертвецы,

Господи, как это ужасно, осознавать свою конечность, ко-

нечность других людей. Жить в ожидании смерти. Глупо. Больно, но ничего не поменять, таков закон. Мы что-то имеем, чем-то обладаем, но потом у нас это отнимается. Ничто не дается навечно. И даже на всю жизнь ничто не дается. Оно рушится, разбивается, разлетается, исчезает...

Я бы хотел, когда состарюсь избежать участи одинокого, выжившего из ума склеротика. Хотел провести свою старость вместе с тобой, бок обок всю жизнь, а на пенсии сидеть дома и нянчить внуков-правнуков. Ты будешь беззубой милой старушкой, а я ворчливым стариком, буду читать газеты, смотреть телевизор, жаловаться на жизнь и курить папиросы, пока не начну дико кашлять, и бежать мерить давление, и ты будешь ругать меня снова и снова, а я говорить: «старая, ну прекрати...». Но, ты будешь рядом. Всегда. В моих мечтах.

Не знаю, как переживу, если не увижу тебя никогда, не переживу это, видимо. Когда у человека есть хотя бы маленькая надежда на счастье, он будет цепляться за нее. Может быть хорошее настроение, он будет улыбаться и верить, и надеяться, что все будет так, как он тайно хочет. Не замечая очевидных вещей, закрывает на все глаза: на знаки судьбы, на доводы близких и своего разума, и просто ждет. Ждет. Но, потом, видит, что все складывается еще хуже, чем он предполагал. И ему больно. Больно. Нельзя надеяться.

Но человек себе не враг, он не будет реалистом, и будет надеяться на то, на что у него меньше шансов, но во что боль-

ше хочется верить. По части иллюзий люди мастера. Мастера жить в иллюзиях, грезах, где угодно, только бы не смотреть правде в глаза, только бы не показывать истинные чувства...

Так и я слепо верил, что мои переживания и усилия не пройдут даром, и я увижу тебя, поговорю, поцелую, возьму за руку.

А ведь еще месяц назад, когда ты приезжала ко мне – выставлял, мотивируя тем, что у меня плохой день, хочу остаться один. Потом следующий приезд – занят, полно дел, потом в отмазки идут – друзья, здоровье, настроение и пр. Честно, не хотел видаться. Хотел отдохнуть, повеселится, напиться, победокурить, пообсуждать красивых девчонок, покуролесить с ними. Мужчин всегда будут интересовать все новые и новые девки... Именно девки, потому что девушка, «любимая», в единственном, ну или в нескольких экземплярах, а вот девок, чем больше, тем слаще.

Каким бы верным мужчина не казался, в чем бы ни клялся – не важно, ему всегда будет хотеться затащить в постель совершенно разных и всегда новых: худых, толстых, высоких, низких, рыжих, темных, светлых, большегрудых и плоских, покладистых и дерзких умных и не очень, красивых и страшненьких... разных.

Кто такая, зачем – им это не важно. Важен факт обладания, чтобы занести в мысленную книгу личных достижений. Просто нравится все новое, чувство влюбленности, длящееся недолго, пока человека не узнаешь. У кого-то после пер-

вой ночи оно заканчивается, кто-то живет с ним год, а то и пресловутых три. Время не важно. Как и количество девок. Важно их разнообразие. И, ясное дело, чтобы была не одна и та же. Мы же полигамны. Да-да, это так. Ученые спорят, о том, что у некоторых есть предрасположенность к изменам, у некоторых ее – нет. Но на самом деле, всем этим руководит банальный инстинкт.

На физическом уровне всем самцам заложено оплодотворять большее количество самок, самки же в свою очередь являются лишь носителями генетической информации самцов. А как же любовь? Она – социальна, необыкновенна, чаще встречается только раз в жизни мужчины, все остальные связи побочны, нелепы, но необходимы на физическом и статусном уровне мужчины.

Сейчас я понял, каким идиотом был. Большая грудь, пухленькие губы, круглая попа и другие прелести девиц мне не нужны. Ты одна...

Из меланхолии и дум меня вывела немолодая, но красивая женщина в серой униформе:

– Вы пришли навестить кого-то?

– Здравствуйте, нет, я... ищу девушку – и вкратце рассказал ей о тебе, но, увы-увы, ты здесь была несколько недель назад, помогала персоналу, сидела с теми, кто был чрезвычайно одинок, бегала по делам.... Улыбалась.... А потом уехала помогать животным, когда увидела раненного котенка на дороге.

– Такая приятная девушка.... У нас тут, сами понимаете, молодежь – редкость, только персонал, да и бабушки, дедушки. В основном, те, от кого отказались родственники, или у которых их нет. Очень жаль всех, хочется помочь, но и не знаешь, как подступиться, они такие ранимые, не любят утруждать, такие одинокие и незащищенные. Но, очень мудрые, иногда ворчливые, но все равно хорошие... Вы бы тоже заходили. Пообщались со стариками, узнали бы, много нового, повеселили бы их...

– Вы меня извините, но сегодня я не могу, как-нибудь в другой раз...

Женщина разочаровано и неоднозначно вздохнула, натянуто улыбнулась, попрощалась и удалилась. Выругал себя. Какой же – идиот. Стыдно за себя. Но, я же не ты, нет во мне этой жилки, не люблю людей, не люблю им помогать, выслушивать истории из жизни людей, от которых несет смертью. Бр. Мне слишком жутко.

А вот ты, ты всегда была альтруистом, всегда забывала помочь себе, но ради других старалась. Не понимаю зачем, ведь жизнь-то твоя. Они сами должны о себе заботиться и, в основном, сами виноваты в своих бедах.

Когда я ехал из дома престарелых, на маршрутке, то размышлял о том, что все это я заслужил. Надеялся, что так легко найду тебя. Глупец. Скоро, я, как и ты, начну верить в карму.

Среда

Звонить в эти приюты для животных бессмысленно. Никто не берет трубку. Да и не у всех есть телефоны. Благо, что таких организаций в городе у нас всего три.

В два приюта я съездил с утра, даже не заходил внутрь, пугал меня лай собак, шум, запах, атмосфера... Спрашивал о тебе, жаловался на погоду – серое затянутое тучами небо, промозглый ветер – и уезжал со спокойной совестью. Я же не ты, у меня не трепещет сердце от мысли, что там, в клетках сидят полуголодные, больные, одинокие животных, которым хочется нежности, тепла и комфорта. Я не люблю животных. Как и людей.

В последний приют я все-таки зашел. Пересилил себя, стало совестно, поговорил с девушкой, которая заведовала этим приютом, как и думал, ты уже уехала, но куда – неизвестно. Пристроила несколько зверьков в добрые руки, вылечила и забрала с собой того многострадального котенка... А жаль, хотел увидеть хоть что-то, чего касались, твои красивые тонкие руки, аккуратные пальчики...

Я оглядел клетки. И вправду, печально. Металлические решетки, полутьма, вонь, шерсть, гомон... И масляные глаза, такие бусинки, черненькие, одинокие. Они все таааааак смотрят что, кажется, вот-вот и сердце выпрыгнет от жалости...

Как же жаль, что столько животные здесь остаются навсегда, кого-то усыпляют. Кого-то отдают отвратительным хозяевам, а кого-то даже не доносят до приюта, они погибают

от голода, холода, несчастных случаев, или жестокости людей. Но, хочется верить, что такие организации существуют не зря, они стараются изо всех сил помочь, вылечить, разыскать бездомных животных.

Один котенок черненький, с порванным ушком, маленький, худенький, забитый и смотрел, смотрел, смотрел, ... что я забрал его.

Не ожидал от себя. Но мне было одиноко и ему было одиноко. Мне было больно и ему было больно.

Через месяц.

Весь месяц я не отходил от компьютера. Проверял почту, писал тебе, звонил. Пил. Очень много пил. И еще одна любимая мужская особенность – прятаться от проблем и боли в бутылке. Точнее, в бутылках. Забываются в свою берлогу, пытаются оградить себя от боли, не думать, закрывшись от мира, погружаются в себя и ищут там, глубоко, где-то на уровне желудка, наполненного болью и алкоголем – ответы и решения.

Ждал тебя, но не искал, пустил все на самотек. Медленно сходил с ума. Обнимал котенка. Пил. Обновлял твои странички в соцсетях. Не онлайн. Но, я упорно обновлял и упорно смотрел на эти странички, в надежде, что они помогут собой заменить твое отсутствие. Но ничего не помогало...

Еще через несколько месяцев.

Ничего не менялось. Ничего не происходило. Солнце все также светило, люди все также что-то делали, о чем-то ду-

мали, а я сидел дома. Иногда ходил в магазин за сигаретами, пельменями, колбасой и пивом. Пил. Но, уже даже не пьянел. Пил, как воду, пить надоело. Противно, не помогает. Ничего не помогает. Без тебя плохо. Мерзко, жутко, кажется, что все это вонючий, гадкий сон. Такого не может быть – я проснусь, проснусь, проснусь, и приедешь ты, как всегда улыбнешься, взъерошишь мне волосы, поцелуешь меня в колючую щетину. Я пытался вспомнить все, каждую мелочь, деталь... Запахи, цвета, ощущения; все, что связывало с тобой. Как будто эти бусинки воспоминаний смогут вернуть тебя ко мне.

Саднило в груди. Я ревел. Как девчонка. Противно вспомнить.

Звонил твоим родителям много раз, они неохотно отвечали и мечтали, чтобы я, наконец-то отстал, меня всегда поражало их спокойствие, и, я бы сказал, безразличие. Они знали тебя, твою натуру и считали, что ты не пропадешь. Всегда все решала сама, ни от кого не зависела, улыбалась и решала непосильные для маленькой девчонки проблемы. С 17 лет жила одна, работала, училась, металась по общественным организациям, занималась творчеством, тянула меня, шпыняла и одобряла. Любила.

И я любил. Но, понял это сейчас. Какая же ты – красивая, любимая, прекрасная, волшебная, замечательная, удивительная, великолепная, милая, потрясающая, пленительная, обворожительная, добрая, нежная, сильная, решительная, чуткая.... Столько мыслей про тебя. И все хорошие.

Ласковые... А за глаза друзьям говорил, что ты зануда, чокнутая и истеричка. Поливал тебя грязью, смачно, с деталями. И, когда мы расставались, не давал тебе спокойно жить. Являлся, трепал нервы, оскорблял, унижал, а ты терпела, плакала, но терпела. Потом отбивал у кавалеров, возвращал тебя. И потом пускался в свои привычные дела, опять забивал на тебя, а ты была рядом, была рядом.

Ты ничего не могла поделать с собой, зависела от меня, была готова на все, лишь бы я был рядом и был спокоен. А я плевал на тебя, играл.

Козел.

Пару недель спустя.

Хорошо, что я все-таки съездил с тобой, тогда, до бабушки. Теперь знаю, где она живет. И, у меня есть зацепка. Ты очень любила бабушку, а значит, наверняка была у нее, чтобы попрощаться. Она – единственный человек, чье мнение и внимание для тебя много значило. Не смотря на то, что у вас были не очень простые отношения.

Как же я раньше до этого не додумался! Столько времени потерял! Просидел дома на заднице, пока ты неизвестно где, одна, мало ли что могло случиться, может, ты голодаешь, замерзаешь, или убита...

Боже... нет. Нет. Нет. Даже думать боюсь, в горле – комок, льдом разрезало сердце. Я уже мертв без тебя, а ты живи, пожалуйста, живи, как хочешь, только живи, милая, только грей собой этот мир. Грей.

Я ехал на электричке, смотрел в окно, уже темнело. Деревья, домишки, столбы и рельсы проносились перед глазами, так быстро, что не успевал их фиксировать. Вся жизнь быстро мчится, не успеваешь сесть и все осознать. Кто ты, зачем и почему. Тяжело думать о таком, но тяжелее замечать, что время ускользает, а ты так и не подумал, и ничего не решил. Время, время, убегает даже быстрее, чем вода, а, кажется... Что его полно, что все только впереди. Жизнь только началась, и думаешь так в 10, в 20, в 30, в 40, а потом раз и незаметно тебе уже 80, и ты вполне вероятно доживаешь свои дни среди чужих людей, где-нибудь в больнице или доме престарелых. Грустно так думать, грустно, но еще более грустно жить, не замечая, что время ускользает, а ты живешь в тумане иллюзий, надежд и ожиданий, в большинстве своем навязанными другими людьми, а не своими собственными. Ну, как же так? Почему только единицы осознают свою жизнь и свои поступки?

Помню этот покосившийся домик. Запах травы и солнца повсюду. Мычание коров, лай собак, кудахтанье, ворчание, посвистывание...

Деревни, поселки, райцентры и прочие областные объединения – такие крошечные по сравнению с городами, но зато родные, обособленные, единые с природой и по духу. Это действительно, как большая семья, несмотря на размолвки и тяготы сельской жизни, здесь все просто, легко и хочется сюда приезжать, и хочется здесь оставаться. Потому что

здесь нет времени, нет дней недели, и даже смена дня и ночи ощущается легко и деликатно, не мешая отдыхать, не мешая наслаждаться жизнью, созерцать красоту вокруг. Деревья, могучие, раскинутые ветви, с обилием листьев, не такие как в городе. В городе обрубки, несчастные, покореженные, хилые, как и все горожане.

Деревенские люди – простые, незатейливые, добродушные, они-то и понимают толк в жизни, понимают, что и как. А горожане ничего не понимают – они все время заняты, у них постоянно нет ни времени, ни денег. Но они упорно работают, стараются себе что-то доказать, ага, ну, да, никому ничего не доказывают. Только ноют и задирают нос.

Поэтому, мне нравится здесь, будь я умнее, переехал бы жить в деревню, но город не отпускает.

Застал ее бабушку за поливкой. Она поливала помидоры и тяжело дышала. Поправляя свои седые кудряшки, выбивающиеся из-под тряпичной фуражки, она лейкой поливала маленькие зеленые кустики, а я любовался этой картиной. Было в этом что-то трогательное, непривычно, когда люди заботятся о природе, а не разрушают ее. Ох, уже стал мыслить, как ты. Изменила меня, а я и не заметил.

– Здравствуйте...

– Здравствуй. Не ожидала тебя увидеть.

– Вы простите меня, я без предупреждения, она вам не писала, не заезжала? Я ищу ее.

Твоя бабушка лукаво посмотрела на меня. Ее мудрые,

светло-серые глаза видели меня насквозь, видели мои скверные поступки, вранье, измены, но в тоже время не осуждали, а смотрели с интересом, даже удивлением:

– А зачем она тебе? Вы же вроде расстались.

– Ну, не то чтобы расстались, мы поссорились, и она пропала.

– А когда ты пропадал, это было нормально? – она уже было разозлилась, и хотела читать нотации, но потом остановила себя – В любом случае, она ничего о тебе не говорила и не к тебе вернется. У нее теперь совсем другая жизнь.

– Так, она была у вас?

– Была, но уже уехала, давно.

– А вы можете сказать, где она сейчас?

– Я не знаю, где она сейчас, но знаю, куда она поехала, только вот не хочу тебе говорить.

Мне стало не по себе. Твоя бабушка всегда была честной, жесткой, но справедливой. Ты, твои родители и друзья терпели мои выходки, но она – нет. Я ей не понравился сразу, как будто она чувствовала, сколько слез тебе придется из-за меня пролить.

– Поймите меня правильно, я просто хочу увидеть ее, поговорить, объяснить, я все понял, не причину ей вреда.

– Она больше и не позволит этого. Она стала другой.

– Я все понимаю. Я и не собирался... правда. Так долго, искал, думал, помогите мне, вы одна знаете, где она...

Долгими уговорами она сдалась, и я узнал, что ты в мо-

настыре. Моему удивлению не было предела. Я знал, что ты веришь в Бога, но не думал, что уедешь в монастырь. Ведь это серьезный шаг, отгородиться от мира и быть только с Ним. Забыть все прелести жизни, аскетизм, молитвы, одиночество, строгость. Такой ли жизни ты хотела?

За что ты так себя? Неужели всему виной я? Или так хочется быть рядом с Богом? Я все узнаю. Главное – увижу тебя. Теперь уж точно, скажу все и заберу тебя оттуда, буду уважать твой выбор, но предложу любить Бога в более уютной обстановке, заведем семью. Я исправлюсь, клянусь, тем более захотел детей. Наших с тобой детей. Мальчиков или девочек, какая разница, будем их любить, баловать, но и воспитывать, чтобы выросли достойные люди, не такие, как я, а такие, как ты.

Мои мечты и мысли кружились в голове, а я шел по траве, залитой красным золотом заката, шел и вдыхал свежий воздух, не загаженный выхлопами и смогом. Так тоскливо видеть красоту, ощущать ее, жить, ощущать себя настоящим, но быть одним. Совершенно одним. Ты – стала для меня всем. Ты будто всегда со мной, привязана ко мне на ниточке, я чувствую тебя и уже скоро найду. Увижу. Не отпущу никуда и никогда больше.

На следующий день.

Радостный и вдохновленный тем, что мои поиски не проходят даром, я поспешно выскочил из автобуса и побежал к монастырю. Скорее бы, как хочется скорее тебя обнять!

Монастырь – особое место. Место, где люди молятся, молятся постоянно, и по собственному желанию, они так сильно любят Бога, любят жизнь, и вправду верят, что мир можно спасти, молитвы спасут нас от деградации, ненависти, болезней и горя... Они, правда, верят! И молятся со всей силой добрых, наивных сердец... Не могу сказать, что зря, может благодаря их вере, мир еще не полетел к чертям, не сгорел, не разрушился окончательно, но, могу сказать, что я этого не понимаю, не понимаю затворников, тех, кто уходит от мира, чтобы ему же и помогать. Это не логично, как минимум, но все же, прекрасно, что есть люди со столь светлыми идеалами и устремлениями...

Атмосфера здесь, конечно особая. Все совсем не так. Ты будто выпадаешь из времени, пространства, но самое главное, твое сознание плавится, под этим солнцем, воздухом.

Высокое здание, каменное; старый, серый, большой колокол, необычной формы окна, православные кресты, фрески святых на стенах монастыря. И сад. Большой, я бы сказал огромный, сад. Выращиваются овощи, фрукты, цветы. Небольшой пруд, скамейки, ограждения.

Тут есть присутствие. И, если Он есть, то вполне вероятно, что монастырь – его любимое место на земле. Он наблюдает, как монахини поутру молятся на службе, затем трудятся в саду, вспахивают землю, высаживают и обрабатывают растения, ухаживают за прудом, идут готовить скромную еду, выпекают хлеб, трапезничают всей братией, читают в

своих кельях, кто книги, кто молитвы и снова идут на службу.

Как не совсем верующий, но все же не безнадежный атеист, я был обескуражен, тем, что здесь мне было комфортно, приятно, умиротворяющее.

Зашел на службу, так как приехал рано, и все монахи были на службе, я честно и старательно выглядывал тебя в полутьме зажженных свечей, пропахшем ладаном, намоленном, наплаканном помещении, где со всех стен святые осуждающе смотрят на тебя. А Алтарь?! Позолоченный, витиеватый, с маленькими образами святых и Иисуса, он казался таким величественным, грозным, и в тоже время манящим. Там, за ним творилась магия, магия религии, магия Бога. Простым обывателям не суждено увидеть, что там. Но, я всегда даже мальчишкой знал, что если Бог и есть, то вряд ли он сидит, там за этой ширмой-алтарем, и вряд ли сидит на небе, на курчавом облаке, пьет чай и решает наши судьбы, играя в нарды со святыми. Нет, я уже и тогда понимал, что все не так просто...

Религия. Это, – прежде всего трюк любого государства, способ управления толпой и внушение ему определенно-го самосознания. Мы всегда спорили с тобой, помнишь? Я утверждал, что Бог, возможно и есть, но на религию ему плевать. Религию придумывают люди, они ее используют в своих целях, как бизнес развивают, инвестируют в него. Они создают своды правил, по которым должны жить люди и, воз-

можно, кому-то необходимы такие правила. Они не знают, как жить и церковь направляет их, но, ведь в любом случае, это все из корыстных целей. Ты злилась и говорила, что православие не такое, там чисто, совестливо, семейно. Я доказывал обратное, приводил свои доводы, но ты была непреклонна, считала, что церкви, службы, молитвы, иконы, свечи – своего рода ритуалы, которые помогают человеку войти в трансцендентальный транс, на новый уровень сознания, когда возможно взаимодействие с Высшими Силами.

Кто знает, может это и так, но лично я в церкви чувствую себя неуютно. Мне все время кажется, что это какой-то перформанс, все находящиеся здесь люди – актеры, которые играют трагическую историю, а ты должен с трепетом в сердце падать на колени.

Впереди толпились монахини в черных одеяниях, с головы до пят, как мусульманские жены, скрывающие себя от других мужчин. К моему удивлению, здесь были и очень молодые и очень красивые девушки, недоумевал, зачем им надо было посвящать себя монастырю, когда с их внешними данными, они легко могли обеспечить себе безбедную жизнь с каким-нибудь бизнесменом. Но, видимо, ошибаются люди, когда говорят, что все на свете продается, не продается их пылкая вера, их сознательное желание, не быть в миру.

Высматривал тебя, и мне показалось, что девушка справа, в нескольких метрах от меня – это ты. Мое сердце заколотилось, как бешеное. Чувствовал его удары у себя в висках,

крепко сжал кулаки. Скоро, сказал я себе, скоро, все станет ясно.

Не дожидаясь окончания службы, под бормотание монахинь, протиснулся вперед, и взял тебя за руку. Рука поспешно выскользнула из моей ладони, и на меня смотрела девушка. Просто девушка. Не ты.

Внутри все опустилось. Рухнуло.

– Кто вы? И что вы делаете в женском монастыре?

– Извините, обознался. Я ищу девушку.

– Вам нельзя здесь находиться!

– Извините еще раз.

– Подождите снаружи.

Сидел на лавке у пруда, слушал не как поют птицы, а ай-под. Тоскливо skillet повествовали о любви, а я ждал. И это ожидание казалось вечностью. А что, если ты и отсюда ушла, а что если не будет больше зацепок, если я никогда так тебя и не найду?

Как тяжело чего-то ждать, отсчитывать секунды-минуты, ждать и думать. Думать и ждать. Ждать. Тьфу. Это кого угодно может вывести из себя! Стрелки на моих часах тикали, и очень уныло ползли, а эта служба все никак не заканчивалась, ... Может кому-то она и приносит радость, но уж не мне точно.

Спустя время, наконец-то стали выходить монахини, они тихо беседовали, и искоса смотрели на меня. Я встал и по-

дошел к той монахине, с которой уже разговаривал:

– Извините.

– Вы преследуете меня?

– Нет-нет.

– Вы понимаете, что нарушаете наше единение своим присутствием? Это – оплот веры. Мы здесь с мужчинами не общаемся, их тут просто нет. Все лишено порочности...

– Ох, нет, я, правда, не за этим – разулыбался, тьфу ты блин, уже и монахиням глазки строю, стыдно должно быть...

И в очередной раз рассказываю, кто ты, где ты была и зачем, я тебя ищу. Монахиня пристально смотрит на меня. И думает.

Мне стало жутко от ее сосредоточенного взгляда, разные мысли прокрутились в голове. Неужели тебя и здесь нет, но как же так?! Где же ты тогда?

Девушка тяжело вздохнула:

– Ее здесь нет.

– Что? Она жива?

– Да, конечно, все в порядке...

– Так, почему ее здесь нет?! Не томите меня, пожалуйста, я проделал большой путь, и должен знать... Вы и не представляете, как мне важно поговорить с ней!

– Она приезжала, была с нами, но игуменья не торопилась принимать ее постриг, что-то вроде испытания. Она очень старалась. Молилась, в свободное время не выходила из своей кельи, помогала в саду, была очень мила, мы все привяза-

лись к ней, и уговаривали игуменью разрешить ей постриг, но та отказывалась. И, вскоре, мы поняли почему. Приехал Федор Алексеевич. Очень хороший человек, еще его прапрадед строил этот монастырь, он всегда помогал нам... Но после того как умерла его жена и, мы не могли ему ничем помочь – он приезжал все реже. И, вот, однажды, приехав, он стал чинить в саду скамейки... эта долгая история. Он полюбил ее. А она просто была добра, беседовала с ним, игуменья, как ни странно, не злилась, а даже одобряла это.

– И что? Что дальше то?

– Потом мы заметили, что Федор Алексеевич к нам зачастил. Приезжал, дарил подарки, помогал, улыбался. Мы все были удивлены такой переменой. А еще позже он объявил нам, что хочет жениться...

– На ней?

– Да...

– Но, но... она же...

– Игуменья, сказала, что видимо, у нее другая дорога, и она должна помогать людям и служить Богу в миру, она благословила их.

– Что?! Я не верю...нет-нет, может быть, мы говорим о ком-то другом? Она не могла так поступить. Она ведь, ну просто, ну...

Я в растерянности жевал слова, отошел и присел на лавку, а девушка тем временем куда-то ушла и поспешно вернулась с газетой, она сочувственно потрепала меня по плечу и про-

тянула мне газету.

Я выдохнул и развернул ее. Первая полоса.

Местная газета выжигала мое сердце. Выжигала мою душу. Заголовок гласил: такой-то такой меценат женился на тебе! И вы организовали фонд помощи бездомным и больным.

На фото – вы вместе, в окружении каких-то людей, ты улыбаешься, счастливо, он приобнимает тебя за талию. Красивая, такая родная, такая далекая. И не моя.

Больше не моя. Можно, даже сказать, что это не ты. Лицо твое, но это не ты. Фальшивка, обманка, картинка. Не ты. Не ты...

Пока я тебе искал – ты вышла замуж! Одно дело таскаться по бабам, расставаться и сходить с тобой, но другое дело, знать, что ты больше не моя. Не моя. И не будешь моей. Я даже не смогу позвонить, узнать как ты. Ты никогда больше не ответишь, никогда больше не станешь со мной разговаривать, никогда не попросишь меня начать все сначала.

И никогда не смогу тебя поцеловать, обнять, заняться с тобой любовью... Никогда. Теперь все это делает твой муж. А я... я один. Если бы знал раньше, Господи, если бы только знал, что все так сложится! Никогда, никогда не посмел тебя обидеть, все бы сделал так, как надо. Все бы изменил. Как же я себя вел! Каким дураком я был!! Почему!? Почему не ценил тебя раньше?

Хочется исчезнуть, сбежать, уснуть, а потом проснуться и понять, что все сон. Но, нет, это реально. Я реален, и ре-

альна боль, и реально предательство. Мы предали любовь. Мы предали друг друга, мы предали клятвы. Я раньше, ты позже, но это не так важно, важно, то, что мы потеряли друг друга. Я изменял, а ты сбежала, и самое страшное, что ты выглядишь счастливой. Он сделал тебя счастливой, а не я. Я не смог....

ТЫ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ БУДЕШЬ СО МНОЙ!

Я будто умер. Умер. Умер. Умер. Меня нет. Нет. Нет. Нет. Как нет тебя в моей жизни. Я один, один, я пуст, пуст. Без тебя – я пуст. Ты наполняла меня, ты делала меня лучше, ты заставляла меня жить, любить, ценить, стремиться, мечтать, сострадать и понимать. Без тебя я – кусок грязи, не больше, не меньше. Эгоист, неудачник, алкоголик, ловелас и трус...

Одиночество. Это, когда ты один, и тебе некому открыть своё сердце. Не к кому прижаться. И иногда тебе настолько одиноко и плохо, что у тебя даже нет слез. Нет слез, не значит, что нет боли. Просто она становится такой обычной и постоянной, что ты привыкаешь к ней. И не чувствуешь. Ты становишься безразличен ко всему и всем. И когда судьба очередной раз манит тебя, кидает подарок, к которому ты бежишь, бежишь и бежишь, но не можешь добежать, она вдруг раз и резко этот подарок забирает, даже не дав поддержать его в руках.

С тобой было также. Каждый раз, когда я думал, что вот-вот найду тебя, в очередной раз, натыкаясь на знаки, ведущие к тебе... Я оставался один. И знаки исчезали, будто их

вообще не существовало. И ты один, как дурак. И даже не знаешь, что тебе делать.

Наверное, читатели ожидали иного завершения этой истории. Но счастливое воссоединение разлученных влюбленных, один из которых ранее не понимал своей любви – бывает только в мелодрамах и дешевых любовных книжках, которыми завалены шкафы одиноких старушек...

А в жизни все – иначе. И если ты не разглядел и не увидел своей любви, то ты упустишь ее и не вернешь назад.

Мишель

Жизни не жалко,
Лишь взгляд и тепло от твоих ладоней,
А может мне всё это только сниться...

(с)БандЭрос

Мы обязательно встретимся,
Слышишь? Меня прости...
Я знаю, ты сможешь меня найти...
не оставайся одна...

(с) Дельфин

Пожалуйста, будь моим смыслом,
Мы одни на целой земле, в самом центре моих картинок,
Целый мир придуманных истин, я нуждаюсь в твоём теп-

ле,
я хочу быть смыслом твоим.

(с) Fleur

Варить кофе, ждать любовь,
Получать пока что в бровь, вот и вся жизнь, вот и вся ночь.

(с)Lumen

Посвящается мечте о несбыточной, идеальной любви....

I

Чиркнул зажигалкой и подкурил сигарету. Затянулся. Выдохнул струйку терпкого, серого дыма. Сделал глоток чёрного кофе, запустил пальцы в густые, тёмные волосы, и, развернув ноутбук, вернулся к своему занятию. Он печатал стихи, мечтал стать поэтом, таким же, как его обожаемые Йейтс, Шекспир, Белянин, Райс, Байрон, Данте.

Но его рифма была надуманной, сухой, фразы не складывались в образ или действие, были лишь набором слов. В стихах не было души, чувств, но он хотел, чтобы в свет вышла книга его стихов, чтобы люди читали их и восхищались.

Говорят, чтобы написать истинно чувственное, надо испытать глубокое эмоциональное потрясение. Только тогда рождаются очень оптимистические творения, либо самые что ни на есть тоскливые. Когда откроешь душу и выплеснешь её, люди поймут, что это настоящие эмоции, настоящая жизнь, настоящее искусство.

Парень встал, потянулся, отодвинул штору и выглянул в окно. Высоко. Предпоследний этаж. Ночь. Глубокая, тёмная, манящая и прекрасная. А на небе молчаливая луна. Её бледный свет озаряет двор. Одиноко, пусто. Поломанные дет-

ские качели, песочница и бродячие собаки. Никаких событий. Никаких эмоций. Он распахнул окно, и в комнату ворвался холодный, ночной воздух... пропитанный городом, смогом, запахами уходящей зимы...

Поэт обернулся и оглядел комнату. Письменный стол. На нём ноут и лампа, фотографии родителей и стопка дисков с музыкой. Рядом книжный шкаф из темного дерева. В основном стихи: любимые и не любимые, он изучил их все. Диван с махровым красным пледом, торшер, проигрыватель, два кожаных кресла, маленький телевизор.

Что-то здесь не так. Воздух стал каким-то другим, комната преобразилась. *Какая тоска. Никаких идей ... Музыку, что ли, послушать? И кофе сварить...*

Он пошел на кухню. Поставил диск битлов, и зазвучали знаменитые песни знаменитой четвёрки. Немного погодя, хозяин вернулся в комнату, напевая, играющую Michelle и неся поднос с жёлтой кружкой, кофейником и печеньем.

И тут случилось нечто.

– Какая хорошая песня, I need you, I need you... – зазвучал приятный, женский голос откуда-то с кресла.

– Что? – удивился парень, едва не выронив поднос – кто

здесь?

Он оглядел комнату. Никого. Нигде. Только свет в торшере дрожит.

– Здесь я.

– Кто ты? Я что, с ума сошёл? Здесь никого нет. Господи, да что же это?

Обвёл комнату взглядом – никаких следов другого человеческого существа.

– Успокойся... Я, правда, здесь.

– Да кто ты?! У меня сейчас инфаркт будет.

Парня действительно затрясло. *Призраки. Здесь есть призраки! Блин...где-то у меня была книга, как изгонять духов...главное – не бояться, показать, кто в доме хозяин...*

– Так, кто ты? Что здесь делаешь?

– Э-э-э, я не знаю. Точнее, помню, что я девушка, человек, а не призрак. Остальное не помню.

– Как это?...

– Видимо, когда засыпаю, то луначу... брожу везде. Наутро просыпаюсь и не помню ничего....Как тебя зовут?

– Да...так я ещё не знакомился...Господи, это просто сон. Я не свихнулся...– парень тяжело выдохнул – Алекс. Зови меня Алекс.

– А я... не знаю...

– Будешь Лунатик.

– Очень смешно.

– Ну, что ты. Просто других идей нет. Да и какая разница, как тебя зовут. Я разговариваю с пустотой. Скажи спасибо, что в «03» не звоню.

– Спасибо, ты очень мил.

На какое-то время воцарилась тишина. Оба героя, обдумывали ситуацию. Алекс поставил поднос на столик. Сел в кожаное кресло. Налил кофе.

– Потрясающий запах. Сам варишь?

– ...Да. Я бы тебе предложил, но...

– ...у меня же тело не здесь. Не смогу. Так, понюхаю.

Алекс сходил на кухню, и вернулся с фарфоровой кружкой. Налил кофе. Комната пропахла необыкновенным ароматом, у которого казалось, был и цвет, и голос... Бархатный... Тёмный:

– Нюхай на здоровье – сказал Алекс и поставил кружку на ручку «разговаривающего кресла».

– Спасибо, – голос засмеялся.

– Почему ты здесь? Не могла бы полунатить в другом месте? Я занят.

– Ну-ну. Я наблюдала через окно. Делом, ага... Стишки пишет...

– Раз такая умная, сама пиши...

– Чтобы писать, должно быть, особое настроение, а так только из пальца высасывать.

– Много ты знаешь. Кем работаешь? Или учишься?

– Я не помню ничего.

Девушка-видение подплыла к окну и стала водить прозрачным пальцем по стеклу, разглядывая пустынную улицу:

– Там, в миру, я одинока. За ночь много где побывала, но могу сказать одно – люди впустую проживают жизнь. У них нет цели. Смысла. Нет мечты. Они тусуются, напиваются, развлекаются, потом и это им надоедает. Когда в компании – весело, остаются наедине с собой – начинают чувствовать, что всё не так. Как странен мир. За суетой, спешкой трудно найти и понять, что действительно важно. Всегда есть что-то, ради чего мы здесь. Если бы все находили этот смысл... Ты только подумай, в каком страшном мире мы живём: болезни, голод, суицид, жестокость, ненависть, безразличие и эгоизм. Они разрастаются, как чума. Неужели мы разучились быть людьми? Нести что-то доброе? Любовь? Свет? Человечки озабочены собой, удовлетворением мелких потребностей...

– Ты хочешь что-то изменить, но что ты можешь?

– Не знаю. Но не ждать же Апокалипсиса, хочется жить. Спасать жизни, души... – Ты молодец... Ты к чему-то стремишься... А я нет. Раз не помню, кто я. Значит, та я совсем не та, кем бы хотела быть, помог бы кто понять, для чего я живу...

– Всё придёт со временем...

– Ещё хочу любить и быть любимой... у тебя есть девушка?

– Нет, какая там девушка... были какие-то девчонки, когда с друзьями по клубам шатался, а сейчас заперся дома – пишу.

– Зря ты это. Ты должен искать любовь. Точнее не искать, а ждать. И верить в это. Сила мысли – великий двигатель прогресса. Искать – бесполезно. Когда придет время, обрушиться и затопит тебя... О чем тогда писать? О синичках-птичках? Сильные стихи только о чувствах...

– Где её искать-то, любовь, сколько ждать? да и верить... не верится.

– Если бы я знала... что делать...

Они замолчали. Разговор на время был исчерпан. Она ходила по комнате, разглядывала фотографии в рамках, книги, он пил кофе и работал за компьютером.

– Знаешь, у меня чувство, что я знаю тебя ... – неожиданно заговорила Лунатик.

– Думаешь, мы с тобой уже встречались?

– Нет, вряд ли, может, в другой жизни...

– Реинкарнация. Хм. Всё возможно,... – Алекс перевёл тему разговора, чтобы скрасить молчание – почему не могу написать ничего путного?

– Если сидеть и выдавливать из себя, ничего не напишешь. У тебя нет толчка. Нет Музы. Ты не можешь поделиться с людьми своим мироощущением, потому что сам ничего и не чувствуешь.

– Может ты и права...

– И вообще, что ты тут заперся? Как затворник! Думаешь, так к тебе придёт Муза?

– А что делать, всё так надоело. Каждый день одно и то же. Одни и те же непонятные друзья, гулянки. Уж лучше одному. Думать.

– Так и додуматься до шизофрении можно. Вставай, одевайся, идём на улицу.

В четыре часа ночи наши герои отправились гулять. Алекс накинул чёрную куртку, закурил и, затворив дверь, отправился вниз, его спутница летела рядом. Он её даже не видел, только слышал голос и чувствовал колыхание воздуха.

Алекс молча курил, а Лунатик рассказывала ему сокровенные мысли, что она думает о мире, людях, а он всё слушал-слушал и думал...

Как я мало знаю о жизни. Странно, и о чём я хотел писать? Я ничегошеньки не знаю.

– И, знаешь, Алекс, это так трудно быть никем – «серостью», даже не зная, кем хочешь быть, перебирать варианты и потом осознавать, что ты не тот...

– Я тоже сомневаюсь, а вдруг я и не поэт вовсе. Может, моя судьба быть клерком?

– Ох, ну да, конечно.... То-то у тебя все книги о поэзии... Ясно – чтобы быть клерком, а это хитроумный план... Смешно, сам-то не замечаешь?

– Так здорово разговаривать с тобой, конечно, со стороны странно, но всё же... Ты такая интересная, а говоришь «никто». Ты просто не определилась. Говорила, что хочешь спасти жизни. Может, пойдёшь в медицину или поедешь в Корпус Мира?

– Не знаю даже, это, замечательно, но придется сталкиваться со Смертью, а я.... Очень боюсь умереть. И эта боязнь, она, можно сказать, сковывает меня. Внутри у меня – огонь. Я могу давать советы, у меня полно планов, мыслей целей – для других, не для себя.

– Но это нечестно! Давать советы – прекрасно, а жить самой...

– Я боюсь. Я боюсь. И не хочу ничем рисковать.

– Мы все умрём рано или поздно. Но, умерев, зная, что ты жил, тем, что помогал людям – это одно. А жить и бояться

умереть, и из-за этого страха ничего не делать для достижения своей мечты – это, по меньшей мере, странно ...

– Там, в морг нужно идти...

– Смешная ты. Морга испугалась.

– Трупы... Прямая связь со смертью...

– Страхи нужно искоренять, а иначе проживёшь всю жизнь, и вспомнить нечего будет.

– Слушай! Ты вроде такой тихоня, а мысли умные говоришь...

– Говорить-то говорю, а также как ты, сам жить боюсь. Пустой трёп. Тачки, бабки, девки, клубы.... Надоело. Сил нет.

– Да уж. Всю жизнь нельзя провести в бездумном веселье...

Он шёл и думал о том, что сейчас больше всего на свете хотел бы увидеть её. Её душа казалась ему родной, завораживала, томила и в тоже время дарила такое лёгкое ощущение – спокойствия.

Она впервые за свою жизнь могла так просто общаться. О том, что её интересует, и она, впервые, не чувствовала себя одинокой. Не помнила себя, ни минутки из своей жизни. Но знала наверняка, что была там некой проекцией себя, которая живёт тихо, скучно, под маской скромной, милой девушки, всегда со всеми соглашающейся. Но её бунтарская душа

по ночам вырывалась из этого кокона. И летала, бродила, искала себя и счастья по свету, искала того, чего ей в жизни не хватало – правды и понимания.

И сейчас больше всего хотела бы увидеть его. Но только будучи собой. Находясь в теле, сознании и памяти. Хотела бы прикоснуться к нему.

– Я бы поцеловал тебя...

– Что? – усмешка – но, ты, же не видел меня, да и я себя не помню, а вдруг – горбатая старуха?

– Неправда. У тебя добрая душа ...

– А обычно такие души в уродинах и кроются, потому что прекрасная внешность это порок. Человек утопает в своей гордыне и сердце его чернеет. Это как деньги – зараза. Порождает снобизм и только... Такая журнальная красота – мало хорошего. Девушка становится переходящим знаменем, красивой игрушкой. Её можно показывать, тащить в постель, умиляться, но жить с ней и любить её – невозможно. Она пуста. Её души никто не замечает, и даже, что исключение, окажись она хорошей девушкой, никто этого не заметит.

– Ой, ну нет, по-твоему, я должен полюбить толстуху за её глубокий и огромный внутренний мир... – парень заливисто засмеялся.

– Очень не вежливо, Алекс... Внешность поправима.

– Ты так говоришь потому, что сама красива, ну или очень

симпатичная.

– С чего ты взял?

– Потому что, уверена в себе и любишь поучать других.

– Может я такая только тут, ночью, гуляя без тела и воспоминаний, кто знает, какая у меня реальная жизнь? Кто знает, где сейчас спит моё тело, и какое оно? Прекрасное или безобразное? Старое или молодое?

– Я чувствую. Что ты лучшее, что было в моей жизни.

Повисла пауза. Если бы у неё было тело, то он увидел бы смущение, удивление, растерянность, в конце концов, но он стоял один, посреди пустынного двора, рядом с невзрачной детской качелью, и нервно водил кроссовком по земле, кусая губы...

– Надо что-то придумать. Придумать, как нам встретиться.

– Но что? Что мы можем? – Лунатик тяжело вздохнула, и только сейчас осознала, что скоро наступит утро, и она навсегда его потеряет.

– Может, отправиться к экстрасенсу?

– Глубокой ночью? И к какому?

– Поискать в интернете, позвонить, упросить...

– ...бесполезно. Это, каким надо быть экстрасенсом обалденным, чтобы дать адрес девушки, ну или женщины, что разгуливает без тела по ночам?

– Да что, ты такая пассивная! Судьба дала нам шанс, неужели мы, найдя друг друга, так просто отпустим? – Алекс разгневался, больно сжал кулаки, а потом развернулся и пошёл прочь.

– Я... – тихо лепетала Лунатик – правда не знаю, что делать.

Алекс не слушал её. Шел и шел в эту ночь. В странный, затемненный город, он шел, не останавливаясь, и был очень сердит. Сердит от того, что не мог ничего сделать. И поэтому убегал от неё. Потому, что боялся, её больше не услышать. Уж лучше думать, что она ему просто почудилась...

Да, нет... Бред всё это. Галлюцинации. Нет её. Такого в жизни не бывает. А она... слишком хороша, чтобы быть правдой. Она не похожа ни на одну мою знакомую...

Лунатик оставалась недвижима. Была на том месте. Рядом с поломанной качелью и растоптанным росточком любви в сердце. Она стояла и будто примёрзла к месту. Её сковывал страх.

Светало. Едва заметно, но всё же улица оживала. Просыпались бродячие собаки, кое-где в домах зажигался свет...

Она потеряла его... Потеряла... И едва осознав это, вдруг

почувствовала, что улицу затопила полная тьма. Потом щелчок, противный звук. Он пищал и пищал. И она открыла глаза. Проснулась.

II

Он нагулялся. Вернулся домой. Сел за стол и уснул. Проснулся уже под вечер следующего дня.

Огляделся. За окном – темнело. Вначале Алексу показалось, что так всё и было. Ему приснилось и не было ни этой девушки, ни этих разговоров... Но вдруг он заметил, фарфоровую кружку на ручке кресла. А ведь его фирменная желтая кружка стояла на письменном столе.

Так Алекс спокойно. Нужно все обдумать. Должно быть разумное объяснение. Было это или мне просто почудилось? Может, я слегка перенервничал и разговаривал сам с собой?...

Парень почувствовал что-то странное внутри себя, такая приятная мука, сладостное томление души. Ему хотелось услышать её голос, увидеть глаза, прикоснуться к ее коже... Напрасно он пытался обмануть себя. Всё помнил, каждое её слово.

Идиот! Дурак! Тупица! Как я мог уйти?! Испугаться?!

Сбежать?! Я оставил её там... Ну, где же ты? Как бы я хотел, чтобы ты пришла, засмеялась своим звонким смехом, чтобы я ощутил твои шаги, как лёгкое колыхание воздуха...

Может, ему всё это приснилось? Скорее всего, нельзя ведь влюбиться в голос, в душу, не видя и не зная человека, тем более дело было ночью, а у него хроническая бессонница, задремал, вот и пригрезилось...

Алекс встал, потянулся. Да уж... спать за ноутбуком – мало приятного.

Нет,... это не сон. Она есть. Она где-то есть. Господи, помоги мне её найти!

Алекс сел за стол, опустил голову на ладони. Слёзы. Со всем не привычные для него, он прекрасно понимал, что это бессмысленно, и хоть это и не сон, ему никогда не отыскать её. Откуда она? Кто? Она ведь даже не помнит о своих путешествиях.

Потом взял ручку, листок и буквы сами стали складываться в строчки. Он писал:

И ты для меня свет,

Мой далёкий свет.

Свет других планет,

Явившееся чудо,
Мне без тебя не жить,
Мне без тебя не зачем Быть,
Как я могу тебя забыть?
Ведь ты – одна для меня
Ушла, меня пленя,
Оставив боль и слёзы,
Отобрав последние грёзы.
Я одинок, как никогда,
Без тебя я навсегда.
Но всё равно тебя я жду,
Хоть никогда и не найду...

Вот они. Стихи. Конечно ещё сырые, но мои. И я знаю, о чём пишу. Я знаю, что мне нужно писать и как... она моя Муза...

Всё бесполезно. Всё. Всё равно нам не быть вместе. Никогда! К чему эти стихи, слёзы и боль? Заковать бы цепями эти мысли и чувства – забыть... и жить как все, плывя по течению, не борясь за своё счастье... а я и бороться, то не могу... Как? И с кем?

Амёбность жизни. Опустошённость души. Когда в жизни нет любви, тогда жизнь во всей своей красоте тускнеет... тогда труднее всего понять зачем мы здесь... Зачем Бог всё ещё держит нас на земле. И так трудно жить в иллюзии любви,

трудно брать то, что лежит рядом, то, что может каким-то способом скрасить боль и одиночество, но быть совсем одним тем более невозможно.

Невозможно каждое утро просыпаться в одиночестве, и каждый вечер засыпать в холодной постели на отутюженных простынях. Приводить себя в порядок ни для кого, прибираться в доме и готовить ни для кого, откладывать деньги на разрекламированный бред, который потом спешешь выкинуть. Да и надоедает глазеть на парочки, гуляющие с утра до ночи. Они влюблены, молоды, упиваются каждой минутой своего счастья, а ты куришь, стоя на балконе, травя свои лёгкие, и наблюдаешь их воодушевлённое чириканье.... Так ты и жил Алекс.

III

Она не понимала, почему ей так тоскливо, на глаза наворачивались слёзы, но подходящей причины для такой апатии не могла найти. Больно. Сердце щемит, трудно дышать. Опустошенность.

Надела пальто, застегнула, закрыла дверь ключом, вызвала лифт, нажала на кнопку домофона и пошла по улице. Чего-то не хватало, но чего? Шла, то и дело, поправляя волосы, развевающиеся по ветру и кусая губы. Что же такое? Что?

Девушка никак не понимала, что с ней происходит, какое-то ощущение потери... в прекрасном настроении никогда не пребывала, всегда обычное – рабочее, «серое». А сейчас так темно на душе. *Ещё уйма дел на работе, надо перебороть свою надвигающуюся депрессию... всё осень виновата, тоску наводит.*

Она брела на работу, думая о том, как же печально жить одной, то есть формально это не так, но муж... муж её не понимал. Они жили в разных мирах.

Шла быстро, старалась успеть всё сделать вовремя. Ничего, не замечая вокруг.

И тут мимо, в одно мгновение, которое в другом измерении длилось бы вечность, с папкой бумаг прошёл... Алекс!

Но никто из них даже не догадывался, о том, что они так отчаянно ждут друг друга.

Алекс отправился к своему хорошему другу – показать стихи, она же зашла в кафе рядом с работой, за пару минут выпила эспрессо и окунулась с головой в дела.

Но перед тем как отправиться в офис, зашла в магазин

парфюмерии. У мужа сегодня день рождения. Элегантная коробочка с дорогими духами, перевязанная синей лентой. Муж не любил безделушки, только действительно важные вещи, он был богат, но скуп. По молодости, наивности, она, как и все дурочки, понадеялась на безбедную, роскошную жизнь... он красиво ухаживал, обещал обеспеченную и интересную жизнь, водил в рестораны, шокировал дорогими подарками и размерами зарплат; но после эффектной свадьбы её жизнь превратилась в битву. В битву со своим одиночеством и сожалением. Он стал зол, равнодушен, жаден, его почти никогда не было дома, все сбережения он инвестировал или играл на бирже... Постоянно говорил о детях, однако детей не получалось; злился, что жена не так чувствительна, как бы ему хотелось,... был ей недоволен, тогда и отправил её работать. На нескольких работах.

Она смирилась. Быстро рассеялся туман в голове. Ей не нужны были не эти злосчастные деньги, этот престиж, ничего фальшивого и бездушного. Поняла, что уже не так молода и красива, чтобы выбирать из многих кавалеров самого достойного, перспективного, заботливого... самого-самого... сколько не выбирай всё равно – ошибёшься... Всё меняет только Настоящая любовь... но только где же её найти?

Физически она была не одна. Муж был рядом, когда это нужно. Повсюду мужские вещи, звонки на работу по пять

раз на день... цветы раз месяц, кино раз в неделю, рестораны по праздникам... всё вошло и закрепилось в быту. Семейная жизнь. В которой просто нет счастья, спокойствие – да, стабильность – да, но счастья нет. Ещё более и острее чувствуется одиночество, когда рядом с тобой человек, который тебе абсолютно чужд, и жить с которым, становится противно. Но ещё тошнотворнее от безысходности. От осознания того, что жизнь прожита уже на свою большую часть, и старость ты будешь встречать ворчливой старушкой, зря прожившей свою жизнь, так и не узнавшей, зачем она ей давалась...

IV

Всю неделю Алекс не выходил из дома. Он писал. Практически не спал. Сидел у окна, раздвинув занавески, и ждал её. Ждал это лёгкое дуновение ветерка, тихий, ласковый голос...

Ещё он творил. Наконец-то! Писал и писал! Лунатик вдохновила его на целый цикл стихов. Он перечитывал написанное, и понимал. В них есть – сила! В них есть эмоции, слог получился ровным и звучным, как песня....

Надо их издать! Даже Пашика сказал, что первые два – очень и очень неплохие. Господи, мне нужно рискнуть. Нужно обзвонить все издательства города. Разнести рукописи,

а там будь что будет. Если нет – издам за свой счёт ограниченным тиражом. Разнесу в библиотеки и пр. читальни. Только бы поделиться со всеми своими эмоциями и чувствами. Только бы она прочла их... и может тогда, что-нибудь вспомнит... обещаю любить её даже, если она стара и некрасива. Я начал понимать, что ноги от ушей, это ещё не всё. Это ещё не счастье. Мне не было никогда так приятно быть рядом с кем-то, так тепло... все эти милашки не излучали столько света... их голос не был так нежен... Ну, всё, Алекс. Вперёд. Это единственное, что я могу сделать, чтобы разыскать её

Два дня он потратил, чтобы разнести рукописи по издательствам, ему везде отказали. Парень был просто убит горем. «Не формат», «К сожалению, мы сейчас не можем издать ваш сборник, поэзия сейчас неактуальна, может, вы напишите что-нибудь о рублёвских жёнах?»... и всё в том же духе...

Алекс уже совершенно было отчаялся, но вспомнил об одном небольшом издательстве, он его специально пропустил в своём обходе-обзвоне, потому что посчитал не респектабельным.

Но, как говорится, новички не выбирают. Позвонил:

– Издательство «Пробуждение», помощник редактора – Анна. Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я бы хотел узнать, по какому адресу можно принести рукопись со стихами, для издания сборника и встречи с редактором?

– Вы можете принести её сегодня, после двух, ул. Солнечная, 10, этаж седьмой, на ресепшн. Лифт не работает, поднимитесь по лестнице. Придёте, и мы посмотрим, обсудим возможные варианты встречи с редактором, сейчас она в командировке.

– Спасибо, до свидания, сейчас подъеду.

Через полчаса Алекс был на месте. Скромная, недавно отремонтированная 9этажка. На первом этаже холл, и новенький, хромированный лифт. Алекс ухмыльнулся и поднялся по лестнице на 7 этаж. Стеклопакеты двери автоматически распахнулись, и он увидел стол ресепшена, за которым сидела довольная привлекательная, невысокая женщина, около 30 лет, со светлыми вьющимися волосами, забранными под заколку. Она была в тонких очках, с чёрной, модной оправой, одета в серый, брючный костюм.

– Здравствуйте – сказал Алекс и улыбнулся, отметив про себя, что женщина недурна собой, – по поводу рукописи. Алексей.

– Здравствуйте. Оставьте свою рукопись, а вот здесь – она

протянула ему ручку и блокнот – запишите свою электронную почту. Алиса Андреевна, с вами свяжется посредством почты, я ей факсом отправлю вашу рукопись, в Москве одна задержится ещё на месяц.

– Спасибо, до свидания.

– Всего доброго.

Анна улыбнулась ему широкой улыбкой и стала снова заниматься делами. Алексей скрылся за стеклянными дверями. Но девушку растревожило любопытство – о чём же стихи?

Она открыла папку. Когда она читала первый стих, в её душе что-то противно скребло... скребло... а потом бац! Щелчок! И в голове поплыли картинки... она вспомнила тот вечер... вспомнила ту квартиру а главное – вспомнила Алекса!

V

Рукопись «Моё видение, мой полуночный ангел» покоилась на письменном столе, рядом с фотографией в рамке Анны и её мужа, аська напряженно пикала, телефон трезвонил, но за столом никого не было, только ветерок дул из окна, развевая лёгкие занавески и внося интригу и чувственность в этот душный, надухарённый офис...

Анна на своих высоких шпильках сбегала вниз по лестни-

це, за ним.

Только бы успеть... не потерять навсегда... только бы он понял, что я это – я ... пожалуйста... сознание, не отключайся, я не хочу снова его забыть...

Бежит по улице, расталкивая сонных прохожих, громко стуча каблуками... Лицо покраснелось, на лбу выступили капельки пота, ноги подкашивались, а в горле – ком... Ищет его глазами в толпе, ищет...

И... впереди, увидела мужской силуэт. Такой долгождан-
ный...

2010

Три желания

Л

енивый солнечный луч пытается пробиться сквозь прочные занавески маленьких больничных окон. Воздух стерильный и напряжённый, вокруг всё белое и, кажется, что я попал на небеса: белые стены, потолок, постельное бельё... и она такая белая...

Сижу рядом с койкой, в палате. Она спит, а на измученном, бледном лице кроткая улыбка. К руке присоединена капельница и ещё какие-то приборы. Тут их много... эти гудящие машины, словно живые... жутковато становиться.

Никогда бы не подумал, что она – вечно весёлая, здоровая и полная сил, будет лежать на этой больничной койке, доживая свои последние дни. Когда я узнал об этом, я не мог поверить. Я ревел как ребёнок... Я посмотрел на неё, да, с каштановыми кудрями она мне нравилась больше, чем без волос... Но, ничего нельзя поделать. Таковы последствия химиотерапии. А ведь зря, она всё равно не помогла ей.

Ей ничего не поможет. Она обречена. Эти мысли ножами врезаются в голову. Ничего не поможет... Но как? Скажите как так? Почему? Почему она бросает меня? Мы так любим друг друга... Врач сказал, что шансов нет, что это уже предпоследняя стадия... Говорил, что-то про ускорения мутаций

каких-то веществ... Все эти деньги, а самое главное – время растрачено впустую – у тебя нет шансов на жизнь. А какая тогда ждёт меня жизнь, а? Без неё. Я так долго искал её, добивался... И когда понял, что моя жизнь без неё пуста, она уходит... Не справедливо...

Катя медленно открыла глаза. Да... Всё что осталось от неё прежней это озорные зелёные глаза с чёрной оторочкой. В них всё так же светилась жизнь и тот, непобедимый огонёк... Казалось, что даже сама Смерть должна отступить при виде такой решительности. Я взял её холодную худую руку. На пальце красовалось изящное, обручальное кольцо. Мы недавно поженились, полгода назад. О, как мы были счастливы! Она, я, наша съёмная квартирка и маленькая дача за городом... Всё ждали, когда начнёт раздаваться детский смех... Но, похоже мне никогда его не услышать... Что мне? Катя, Катенька живёт последние дни... минуты... секунды...

И всё так же спокойна, решительна. Знаю, на самом деле ей страшно, просто она не показывает это мне, чтобы я не переживал.

– Послушай, мне недолго осталось...

– Ну что ты! Ты вылечишься! Мы пройдем ещё курс химиотерапии... – я побледнел и крепче сжал её руку...

Судорожно стал размышлять о том, как буду жить без неё. Что буду делать? С ней вся жизнь, казалась такой простой, радостной. Что же будет теперь? Молчал. Катюша улыба-

лась. Как она может улыбаться так спокойно, зная, что у неё лейкемия? Она погладила меня по руке и своим тихим, ласковым голосом сказала:

– Не надо... я и так знаю. Мне уже не надо лечиться. Андриуша, всё будет хорошо. Правда. Поверь мне, смерть это не конец нашей любви. Ты будешь жив, жить за нас двоих... Я умру, но у меня есть три последних желания.

– ... Всё, что угодно.

– Дело всей моей жизни – это двадцать моих холстов. Моих картин, в которых останусь я после смерти. Хочу, чтобы их увидели люди. Чтобы я не была забыта. Только так можно победить смерть. Постоянным напоминанием о себе. Второе – хочу, чтобы ты женился снова.

– Что? Мне никто не нужен!!! Слышишь? Ты, одна, девушка всей моей жизни... Я хочу быть только с тобой... Никто не сможет стать. Такой как Ты!

– Я и так всегда буду с тобой. В твоём сердце, в твоих воспоминаниях, но всё это – в прошлом. А ты должен жить настоящим. Должен снова полюбить, жениться, родить мальчишку и девчонку... Помнишь? Как мы мечтали, когда только поженились.

– Но ты не умрёшь, да? – слёза тонкой, горячей дорожкой предательски ползла по моему лицу.

– И третье... Я прочитала одну каббалистическую легенду о Древе Жизни. Один человек перед смертью попросил своего сына посадить зерно в могилу, куда его положат. И

после смерти отца, парень вырыл маленькую ямку и посадил зерно, как и велел отец и через три дня оттуда проклюнулся маленький зелёный стебелёк, а через три года это уже было стройное, крепкое дерево. В его ветвях, плодах, стволе, цветах – везде был его отец. Он пророс через это дерево, его жизнь продолжилась в растении. Радовало глаза сына и приносило людям плоды. Главное – всегда, когда сын скучал по нему, он приходил к дереву и говорил, и плакал, а отец был по-своему жив, и всё это слышал. И так он жил и много веков видел, что твориться на этой земле... Он не исчез, слышишь?

Я не мог ответить, опустил голову на руки и беззвучно плакал... Она тут, но уже скоро я не услышу её голоса, не почувствую её дыхания, не увижу огонька в её глазах. Ничего. Ничего от неё не останется... Ну, почему? Готов был кричать об этом, топтать ногами, крушить эту дурацкую палату, отчитывать врачей... Но ничего не поможет. Перед смертью мы все бессильны. На языке крутилась песня, которую мы пели в армии, после гибели нашего товарища: *А смерть это тот же сон, только немного крепче... А смерть это тот же сон, только не цветной и не сладкий...* А смерть это тот же сон, только, увы, навечно...

Вспоминал, как мы жили с ней, как глупо познакомились в метро – я выбежал на той же станции, где выходила она, мне запомнился её мечтательный взгляд. Она читала книгу, стоя рядом с окном, а я любовался ей. Такая сосредоточен-

ная и красивая, в белоснежной, кружевной юбке. Почувствовав мой взгляд, она улыбнулась. Я был завоёван одной лишь улыбкой... так и теперь.

Улыбка...

– Так ты выполнишь мои желания?

– Да... – печально выдохнул я – но... как же...

– Пойми, Андрей, я выполнила всё для чего пришла в этот мир. Я испытала такое прекрасное чувство – любовь, моя жизнь была по-настоящему яркой, я готова заплатить такую цену, за всё то, хорошее, что было у меня.

– Но я люблю тебя, как...

– Любовь не умрёт. Она жива, повсюду, единственное, что по-настоящему помогает открыться человеку и понять, что ему действительно нужно в жизни. Со мной не умрёт твоя любовь, она как поток, просто пойдёт дальше, ... поэтому и хочу, чтобы ты женился, жизнь надо проживать в любви и в радости, только тогда и умирать будет не страшно. Если ты прожил столько прекрасного...

И больше мы не говорили. Катя снова закрыла глаза. Лежит и думает об этом дурацком Древе. Готовится уйти из этого мира. Оставить меня тут одного. Жениться... Как она могла такое сказать? Я никогда не смогу её забыть...

Через неделю Катя умерла. Её похоронили, как она и просила на маленьком кладбище, рядом с нашей дачкой. Красивое личико улыбалось теперь на металлическом кресте с выгравированными ангелами, рядом с могилой. Там теперь

моя любимая спит. Спит глубоким, долгим сном...

В тот день небо было голубое-голубое, без единого облачка, тепло, светило солнце. Мы все собрались на этом кладбище. Самые её близкие люди молча наблюдали за тем, как каждый подходил, клал цветы, и что-то тихо шептал, прощаясь с ней. Никто не плакал. Не было и этих жутких чёрных одежд, она просила нас, чтобы мы ни в коем случае не проливали слёз, не делали из её похорон траурное шоу.

Я стоял и смотрел на небо. Наверное, она сейчас там. Смотрит на меня, улыбается и просит выполнить её желания, задумался и не заметил, что ко мне подошла девушка. Гладкие каштановые волосы. Зелёные глаза:

– ... я Лена.... Соболезную.

– Кате бы не понравилось, что ты так сказала, она говорила, что у всего есть конец. И что смерть это не так уж страшно. Это естественно.

– Слышала это от нее. Я – её сестра, жила за границей, а сейчас решила вернуться...

Возвращался домой после похорон и, мне казалось, что Катя рядом. Я слушал, как поют птицы, чувствовал солнечное тепло, лёгких ветерок, и, наконец, понял, что она пыталась мне сказать. Я жив и значит – не сделал всё то, что должен был сделать. Впереди ещё много лет, жизнь продолжается, а любовь к Кате не умрет, просто продолжит свой путь...

И всё-таки я женился. Это было её желанием. Девушка

очень милая. Она понимает меня. Лена, её сестра. Похожа на мою умершую супругу... может мне это просто кажется. Кати нет в живых, но она есть в моём сердце, чувствах, обрывках воспоминаний...

Катины чудесные картины были представлены на персональной выставке. И люди приходили их смотреть. Они полюбили эти холсты, картины стали пользоваться огромной популярностью. Странно, что она никогда не выставлялась. Я тоже не все видел до её смерти. А теперь люди смотрят их, и мне всё кажется, что они смотрят на частичку её души...

Третье желание... Мы с Леной после самой первой выставки отправились на кладбище и рядом с Катиной могилой посадили маленькое зерно, из которого, возможно, вырастет маленькое деревце. А из него прорастёт она. Будет жить в этом дереве, смотреть на меня, когда я буду приходить... и плакать, и вспоминать... будет жить, таким образом, побеждая проклятую смерть...

У Господа для каждого из нас свой план. Неисповедимы пути Господни и карты на них не написано, ты иди себе и иди, если идешь, значит так оно и надо...

2008

Любить. Без надежды на взаимность

Трагедия души. О том, что любовь часто не так хороша, как кажется

Упавшие вниз... Разбитые в кровь...

Закусанных губ... Это – любовь...

© Jane Air

Странная штука любовь. Она действительно похожа на солнце. Она ослепляет. Она выжигает глаза.

© Куатьэ

Смешение стилей. Мыслей. Чувств. Когда Тьма пытается завладеть разумом.

Почитав Чарльза Буковски, Фёдора Достоевского, Рю Мураками ...

Ветер треплет волосы, они развеваются причудливым каштановым узором. Она идёт, опустив глаза и всхлипывая распухшим от слез, раскрасневшимся носом. Проходим нет до неё дела. У всех проблем хватает. А тут ещё какая-то девчонка в красной куртке... Её тоже мало кто волновал сейчас. В руке крепко сжат мобильник. Кажется, ещё секунда и, она силой своей злости и отчаяния раздавит его.

Губы, закусаны до крови. В голове только одна мысль – «*Всё. Ничего не изменишь. Чего ради теперь жить? И что теперь? Покончить с собой? Или...*» Девушка поймала себя на леденящей мысли, настолько жуткой, что сама испугалась.

«*Нет. Нет. Я не могу этого сделать ...*» И тут из недр памяти стали проскальзывать обрывки воспоминаний: его серые, цепкие глаза, обволакивающий голос, заставляющий всё тело трепетать, светлые волосы, тонкое тело, смех... слова, поцелуи... Руки... – всё смешивалось и давило, прижимая ее сердце к асфальту, размазывая его по грязной мостовой...

Защемило в груди, закружилась голова. Девушка, шатаясь, прислонилась к мосту.

Раньше всё было иначе. Отличница. Гордость семьи. Приличная, добрая, милая девушка. Работала медсестрой, всех одаривала улыбкой, доброжелательностью, пониманием... было много друзей, люди её ценили, она всегда и везде старалась быть лучшей, боролась за справедливость, постоянно ставила цели и упорно шла к ним...

Никто не видел в ней минусов. Люди не понимали, как ещё в нашем жестоком мире существуют такие как она. Но, они не правы, у неё был свой минус. И этот минус – любовь. Кого-то любовь исцеляет – помогает жить, а кому-то она путает карты, дурит голову и затягивает в ад...

Что с девочкой стало? Говорят, повзрослела, столкнулась

с суровостью мира... Брехня. Просто влюбилась.

«Долбанная любовь!!!! Зачем? Кто так поиздевался?... Это сведёт меня с ума... Чертов мир. Всегда всё не так. Не там и не с теми. Почему?? Почему не я? Чем она лучше?»

Она смотрела на мобильник. Этот заклятый предмет довёл её до состояния полного опустошения.

Девушка бросила всё ради Него. Ради любви. Ради того, что могло бы быть. Мчалась на крыльях. К нему. В этот злощастный город, пропахший её мечтами, слезами, страстными вздохами. Здесь она – одна. А у него есть она. И его чудесная жизнь, друзья, работа, веселье. У неё только – обида и боль. Поломанная судьба.

Вернуться назад? Туда, к родителям? Нет. Нельзя. Не нужна им. Обуза. У них и без неё трое детей. Она никогда не была родительским любимчиком, скорее наоборот. Самая старшая и самая несчастная. Всё время всё для всех делала, хвалили иногда, но до неё дела никому не было. И, когда она вдруг всколыхнулась, то сразу сломалась. Никто не заметил, разве, что стали её критиковать и насмеяться...

«Кому-то счастье, а кому-то боль. Почему так? Кости так брошены? Вытащила не тот билет судьбы? Ненави-

жду всё это. Ничего не изменить. Не исправить. Не повернуть вспять, не отменить события, которые происходили. Не стереть самой себе память. Никак... обещаю... мне не будет больно без тебя. Не могу терпеть эту боль... Нервы как струны натянуты до предела... секунда и взорвутся...».

Она пошла вперед. Глубоко вздохнула. Так долго ждала этого дня. Надеялась на чудо. Мечтала. Улаживала свои проблемы, представляла себе прекрасное будущее. Вспоминала их разговоры, каждое слово, взгляд, каждое его невольное прикосновение...

Люди ходили туда-сюда, время неумолимо бежало, но она не замечала ничего вокруг. Ничего. Она остановилась. Опёрлась руками о железные перила, свесила голову вниз. Высоко. Река. И довольно глубокая.

«Прыгать? Нет. Не облегчит страданий, боль всё равно будет, даже если тело погибнет... Надо просто... избавиться от соперницы. Да! Она не достойна его! Я не могу жить, думая о том, что он её целует. Просто не могу... это единственный выход! Либо мне – либо никому... сердце... рвется... Любимый, я всё бы для тебя сделала...»

Девушка садится на корточки, опускает голову на колени, слёзы капают на одежду и мостовую... она сидит и напря-

жённо думает. Злость, бессилие, любовь, ненависть – всё мешается в голове...

«НЕНАВИЖУ ЕЁ!!!! НЕНАВИЖУ!!! ДУРА!!!!!! Долбанная идиотка!!!! С меня довольно. Слезами не смыть мою боль. Надо отомстить. Месть успокоит... А потом я его верну. Он не узнаёт, поплачет и забудет о ней, я буду его утешением...»

Она встаёт. Полна решимости. Мобильник с хлопом падает в реку.

Салон Красоты. Девушка сидит перед зеркалом, щёлкают ножницы и на пол падают каштановые пряди... Красная краска для волос, наращённые ногти, ресницы, маски, солярий. Магазин Одежды. Чёрная кожаная куртка, джинсы-сигареты, платформы, красивый топ, солнечные очки...

Если очень захотеть, то купить можно всё. И всех. Вопрос только в цене. Девушку деньги уже не волновали – все, что у неё было – продавалось. Золото, серебро, скопленные и отложенные деньги. Только они дают нам право выбирать между удовлетворением и неудовлетворением своих нужд... для людей деньги стали новой религией, они не ищут дела по душе, а ищут шальных, роскоши – ищут счастья в этих мятых,

грязных бумажках, в их запахе, цвете, вкусе...

И вот. ПМ (пистолет Макарова) с глушителем, ну, и порошок для храбрости. Новый телефон – из дешёвых, на симке только два номера – Его и Его девушки. В сердце – ненависть, в голове – безумная, грешная мысль.

«Я задыхаюсь. Мне тесно в своей оболочке».

Тонкая струя дыма ментоловой сигареты. Таблетки. Причесаться. Голос с хрипотцой. Готово.

– Алло, Оля, здравствуйте, это вас из университета беспокоят, с кафедры.

– Зоя Семёновна?

– Да-да. Оля, не могла бы ты, как одна из активных студенток в группе, помочь нам? Конечно, кафедра в долгу не останется...

– То есть вы поможете мне с местом прохождения практики, чтобы я могла там работать. Мне нужна хорошая работа...

– Это решаемый вопрос. Тебе нужно встретить участницу нашей конференции, на вокзале, она молода, поэтому мы решили – было бы замечательно, если её встретит сверстница. Встретишь и проводишь до гостиницы, лучше одна, чтобы она не смущалась, пообщается...

– Хорошо, Зоя Семёновна. Все сделаю.

«Простите меня, простите... ненависть сжирает меня изнутри, у меня внутри не осталось ничего. Пустота, выжженная ненавистью...»

Эспрессо и газета. Тир. Деньги стремительно заканчиваются. Хот-дог. Тир. Сигареты... Таблетки. Энергетический коктейль. Гамбургер. Подготовка оружия. Душ в дешёвом мотеле... Жужжит телевизор... Дремота....

«Завтра. Это случится завтра. Её не будет. А я буду с ним».

Будильник противно звенит. Девушка встаёт с кровати.

Она, вспоминает, как стояла перед ним на коленях и унижалась. Просила быть с ней, умоляла не оставлять её... В голове гул. Тошнит. Руки трясутся. Но она одевается, чистит зубы, кладёт ПМ в сумку и идёт на дело.

Вокзал. В условленном, практически безлюдном месте стоит Оленька. Светлые волосы до лопаток. Стройная, с пышными формами, одета в коричневое платье в горох, с белыми оборочками. Сверху бежевая куртка, на ногах – туфли на низком каблуке.

Поправляет солнечные очки, кожаную куртку, машет Оле. Та улыбается в ответ.

«Ненавижу. Платышко-то, какое обалдеть... курица. И что он в ней нашел? Сиськи эти безразмерные или эти мышиные волосы...что?»

– Привет.

– Привет, я Оля, из университета, просили тебя до гостиницы проводить, город показать.

«Привет, тупая дура. Посмотрим, кто из нас выиграет в этом поединке. Вот увидишь. АГА».

– Так ты значит, на конференцию. А из какого города?

– Из Петропавловска.

– О, как далеко!

– Съезжаются лучшие студенты... Конференция – сюрприз для студентов, её нужно тщательно спланировать.

– Здорово! Ты такая красивая, и оказывается лучшая студентка Петропавловского ВУЗа!

– Спасибо, – цедит сквозь зубы девушка, и чувствует, как её накрывает странное чувство. Страх.

«СДОХНИ», – всё, что крутится у неё в голове. Но сможет ли она? Сможет ли? Девушка-то ни в чём не виновата. Вроде...

Оленька широко улыбается и указывает на кафе, мол, зайдём? А девушка в кожаной куртке впала в ступор. По её расчётам пристрелить соперницу надо было рядом с вокзалом. Но, они прошли целую остановку. А она всё никак не может выбрать подходящий момент, слишком всё затягивается.

Они заходят в кафе. Оля что-то щебечет, а девушка молча пьёт свой зелёный чай, оглядываясь по сторонам и размышляя где же лучше всего, так пролетело около получаса.

– Что-то не так?

– С чего ты взяла?

– Ты бледная... тебе нехорошо?

– Ммм... очень волнуюсь. Я первый раз на конференции.

– А у меня есть успокоительные. Хочешь?

– Давай.

Оля протягивает ей блистер с желтоватыми таблетками, девушка выпивает три.

– Ой, не много ли?

– Я чересчур волнуюсь.

«Теперь рука не дрогнет. В тире я практиковалась, потом ещё стреляла так, думаю, смогу попасть. Это же человек, не консервная банка... В том то и дело... Живой человек. Со своими мыслями, планами, мечтами. Тот же хочет

жить, любить... в конце концов, это же не она меня бросила, а он... но она соперница. Её нужно устранить».

У Оленьки звонит мобильный: «Алло. Да, привет. Я тоже соскучилась... в кафе сейчас, по заданию кафедры, я тебе говорила. Может, подойдёшь ко мне? Отлично! Да-да, недалеко от вокзала. Пиццерия. Наша любимая. Ну, всё, жду».

Девушка в кожаной куртке побледнела, нацепила очки. Поняла, что опоздала. Он сейчас подойдёт. Всё пропало. Соперницу не устранить... не успела.

Вышли. Встала рядом с пиццерией, отвернулась, боковым взглядом продолжая наблюдать. Оленька побежала на встречу. Он обнял Олю, поцеловал, та смущенно вывернулась из его объятий. Красноволосая девушка кивнула издали и стала смотреть поочередно то на него, то на неё. Оленька дружелюбно берет девушку за руку, предлагает проводить до гостиницы.

«Присутствие или отсутствие этого человека в мире ничего для меня не изменит. Она не причём. Такая же, как я влюблённая дура, которой чуть больше повезло. Вина в нём. Ненавижу его. А помнишь тот вечер? У твоего подъезда. Снег ложился к нам на плечи. Ты целовал мои губы, жадно шарил проколотым языком у меня во рту. Прижимал к се-

бе, напряженно дышал мне в ухо, облизывал мочки, сдавливал руки, поспешно снимал с меня одежду, и губил меня, мою душу... страшнее всего – что не только мою. И ладно бы, если только этой Оленьки. Она лишь ещё одна в цепи твоих приходяще-уходящих девушек, задержалась чуть дольше, понравилась чуть больше, но распутство не лечится. На её смену придёт попка покрасивее, губки попышнее и всё начнётся заново...

Почему? ПОЧЕМУ? СКАЖИ ЗА ЧТО? ЗА ЧТО ТЫ ТАК СО МНОЙ? Я ВЕДЬ ВСЕГДА ЖЕЛАЛА ТЕБЕ ТОЛЬКО ДОБРА! Мечтала, грезила, любила, потом... узнала твою гнилую душу. Красивый. Невинные глаза. А внутри – черти водят хороводы... потомок Люцифера. Ты тот, кто, не ведаешь, что творит. Тот, кому воздвигать храмы любви и сжигать их тут же, ничего... совсем не стоит...

Ты – одна сплошная ложь. Ты – лживая улыбка и глаза. Лживые ласки и взгляды... Но, от одного твоего прикосновения – сгораю. И ничто не может спасти мою душу. Она умирает, гниёт, своим смрадом отравляя жизнь близким мне людям, разлагается и, уже почти ничего не чувствует. Боли нет. Отсутствие эмоций. Дыра. Зияющая чёрная яма в сердце. Пусто. Выжженный тобой пустырь.

Смотрит на него, в сумке нашаривает холодный, металли-

ческий предмет и вцепляется в него пальцами.

«Красивый настолько, что даже сейчас готова к нему бросится и целовать пятки, слизывать грязь с его ботинок, унижаться, умоляя удостоить себя Его вниманием... Как можно так ненавидеть себя? Как можно ТАК его любить?...»

Выдыхает серый дым из своих язвительных, припухлых губ...

«Я бы сделала всё, чтобы ты возвращался ко мне хотя бы на ночь, хотя бы на час... Моя страсть – это сигарета, которую ты тушишь о скамейку, а потом кидаешь на землю и плюёшь на неё... использовал и выкинул... Но, я отомщу тебе. Во мне есть капля достоинства. Вот увидишь».

Девушка достает пистолет резко, уверенно, направляет ему в область сердца и спускает курок. Глухой, тихий выстрел. Его ноги подкашиваются. Кровь. Черная рана в груди. Прямо в сердце. В это гнилое, страшное сердце. Оля раскрывает рот и падает перед ним на колени. Всё, как в замедленной съемке, кажется, что длятся эти мгновения вечность, а на самом деле всего... минута.

Ещё минуту назад она была брошенной, оскорбленной девушкой. А теперь она – мстительная убийца. Она убила че-

ловека. Плохого, возможно, но это не ей решать, она не имела на это право, никто, кроме Господа не имеет право отбирать жизнь, что он даровал.

«Господи, что я натворила? Да как я могла? Тебя нет. А без тебя нет меня. Ты для меня всё. И боль. И счастье. И свет. И тьма. Без тебя я – никто. Пустьшишка. 0. Зеро. Дырка от бублика. Ничтожество... Я существо созданное, чтобы любить тебя... Это неправильно... Он должен был быть с тем, кого любит. Это был – эгоизм, ведь я его люблю, а не он меня. Это моё чувство. Я должна была дать ему счастливо жить, а сама страдать... Прости меня мир. Я исчезаю...»

Девушка смотрит на плачущую Олю, на прекрасного, убитого возлюбленного, кидает пистолет на землю и бежит. Бежит к мосту, где эта грешная мысль засела в её голове. Брошается с моста, в реку...

Четыре года спустя.

Новоспасский монастырь. Небольшой палисадник с узорчатым забором. Игуменья с короткими светлыми волосами, полная и добродушная женщина в шутку ругает послушницу, которая неумело копошиться в земле.

– Ну, что ты цветы ни разу не сажала? Аккуратненько, с

любовью, а ты как делаешь?

– Простите, матушка Евдокия, исправлюсь.

– Ты уже на пути исправления.

– Скажите матушка, они смогут меня простить?

– Кто они?

– Люди...

– Главное – чтоб Бог простил. Искупишь грех, и снизойдет на тебя милость Божия, все по своим местам встанет. Ты верь. Молись. Проси Господа помиловать тебя.

Оленька со своим мужем Алексеем часто посещала монастырь. Это была единственная связь с миром для раскаявшейся девушки. Ольга рассказывала о мирской жизни, передавала письма родителям, на которые те не отвечали. Она оказалась единственным человеком, который не отвернулся от неё после суда.

Статья 107 УК РФ. Лишение свободы на 3 года. Общий режим.

Родители и друзья испарились после вынесения приговора. Она и раньше не чувствовала поддержки, ну а теперь осталась абсолютно одна, наедине со своей совестью и не умершей любовью.

Он погиб, а любовь всю также жила в ней и терзала её.

Монастырь стал спасением. Любить Бога – счастье. Говорят, что человек приходит в этот мир, чтобы любить Бога. Это очень похоже на правду. Потому что любовь к людям рано или поздно приносит страдания, рано или поздно становится невзаимной и обманутой. Рано или поздно человек проклинает и себя и свою любовь и своего возлюбленного.

Три года назад Оля начала получать тюремные письма, пропитанные чёрной тоской, болью и виной. Она долго не могла простить, только спустя год смогла прийти в себя, начать снова жить, а не оплакивать покойника. И стала помогать девушке. Ездил к ней в тюрьму, возила одежду, книги, сигареты. Самое главное – дала ей поддержку, надежду, желание жить дальше, но прежде нужно было уйти в монастырь. Очиститься.

Только здесь девушка могла спрятаться от того, зла, что сотворила, и только здесь, она могла молить Бога простить её и дать ей шанс исправить свою жизнь.

2009 – 2011

Рассказы

Кумар

Я надеюсь, вы не встанете на такой путь .

Лежу на старом, драном диване и пускаю в потолок дымные колечки...

Затягиваюсь. Как же хорошо... Мозги, как под палящим солнцем плавятся, и думать не хочется. Всё по фигу. Перед глазами серая пелена кумарного дыма, а я всё лежу и курю этот косячок. На столике рядом, лежат ещё несколько сигарет, два целых пакетика с марихуаной и полбутылки дешёвого красного вина. В горле першит и, я нехотя, приподнимаюсь, пью из горла пару глотков вина.

Мне совсем не важно, какой сейчас день недели, какое время суток, и уж тем более наплевать какая погода за окном. Так тянутся минуты, часы, дни. Я курю, пью, ни о чём не думаю и ничего не делаю – прожигаю неудавшуюся жизнь в квартире малознакомого парня.

Где-то в прихожей лязгнул ржавый замок. Заходит он. Худой, бледный, со слипшимися русыми волосами, осунувшимся лицом и тёмными кругами под глазами... Слабо улы-

бается и трясёт двумя пакетиками с героином. Нашёл всё-таки. Грабанул что ли кого? Так всегда... я только курю, а он ещё и колется.

Кидает мне большую пачку чипсов и пару булочек. Спаситель! Мой организм уже двое суток кроме травы и вина ничего не получал. Сажусь, но сидеть так не хочется... в голове стучит, и такой туман... Я поправляю ляжку своего лифа (всегда хожу по квартире в коротких шортах и лифчике) и снова ложусь. Даже есть неохота... Блин.

Снимает свою чёрную толстовку, достаёт из штанов резинку, зубами разрывает упаковку и пытается снять штаны. Я качаю головой. Не хочу. Он строит недовольную гримасу, забирает у меня косяк и курит. Лежу, мне всё по фигу. Рядом лежит он и пускает такие же кумарные колечки. Терблю его волосы. Какой ты у меня? Третий, пятый, седьмой? Я даже не помню, как мы познакомились. Вроде в ночном клубе. Была обдолбанная и сразу согласилась поехать к нему в полуторку. Тут и осталась. Теперь так и живём, уезжать не хочется, привыкла к нему. Но это не любовь. Какая на хрен любовь? В эту чушь – не верю. И вообще никому не доверяю, и он никому не доверяет... две одинокие души под одной крышей.

Берёт мою руку и целует пальцы. Вот только не надо так делать! Никогда! Так делал тот, другой, которого я любила. Выдёргиваю руку и встаю. Шатаюсь, иду к зеркалу. Смотрюсь в запыленное зеркало, и во мне закипает гнев. Как я всех

ненавижу. Как меня всё бесит! Особенно я сама. Иду на кухню и беру ножницы. Они конечно тупые, но сойдут. Беру их и выстригаю два клока волос откуда-то с затылка. В руках эти волосы... дура. Злость только нарастает... плохо накурилась что ли? Аххх! Как меня всё бесит.

Смотрю на моё бледное, худое лицо с горящими чёрными глазами. Я себе противна. Со всей дури кулаком ударяю в зеркало... мелкие осколки с глухим звоном сыплются на пол, а по руке стекает алая кровь.

Скрипя зубами от боли, иду в душ. Стаскиваю с себя одежду, включаю воду и прислоняюсь к холодному кафелю... сажусь на корточки. Закрываю глаза и просто сижу, позволяя каплям ласкать моё измученное мною тело. Вместе с водой в слив смываются и клочки моих волос. Так хочется плакать, но слёз нет. Я уже давно не плачу... Охота снова накурится.

Приходит он, обнимает меня сзади, целует спину и оставляет засос на шее... Что ж ты такой неугомонный?! Не хочу я, ясно? Резко встаю, он обдолбанными глазами тупо смотрит на меня. Из кармана достаёт шприц и жестом предлагает мне. Качаю головой. Вкалывает себе и кайфует. Идиот. Я всё-таки не такая тупая, чтобы колоться, потом мучаться от ломки и умереть от передоза.

Одеваюсь и ухожу, допиваю вино, снова курю косячок. Обкурившись до дурмана, засыпаю....

Проснулась уже утром. Надо же различила время суток.

Голова жутко раскалывается. И в ушах звенит. Открыла глаза и долго пялюсь в потолок, пытаюсь сообразить, где я. Когда дошло, я шумно вздохнула и села. Оказалось, что мои ноги укрыты его джинсовкой. Заботливый.

Из под тонких занавесок на окне, пробиваются настырные солнечные лучи. Солнце. Как я давно его не видела! Люблю темноту, свет меня напрягает. Подхожу к окну, раздёргиваю шторы, и яркий свет ослепляет меня, заливая убогую комнату лучами... Что-то изменяется в моей жизни. Кайф обламывается. А где, кстати, мой дружок? Я окидываю комнату взглядом, но его нигде нет.

Странно.

Надеваю его джинсовку, собираю окурки, пакеты с марихуаной и один с героином в карман, застегиваюсь.

Иду в душ. А он сидит там, прислонившись к раковине. Его тело слегка заостенело, глаза стеклянные, рядом со ртом засохшая белая пена. Он не дышит и не двигается. Умер? Я проверяю пульс. Так и есть. Всё.

Легонько целую его в посиневшие губы. Потом закрываю ему глаза. Ну, пока. И не оглядываясь, ухожу из квартиры...

2007

Заботливый шёпот

George, посвящается этой песне....

Ч

ёрное короткое платье, потрясающе очерчивающее декольте, короткие светлые волосы, туфли на высоченных каблуках и бокал красного вина в изящной руке.

Бархатные сиденья, запахи духов и обворожительных блюд, приглушенный свет, тихие голоса...

В этом дорогом ресторане она – одна. Красивая, молодая, замужняя, на пальцах кольца с крупными бриллиантами, в глазах – сладкая тоска... Взор обращен к мужчине в смокинге, с саксофоном. Приехал с гастролями, из далёких и пропахших печальной славой, штатов.

Плотно прижимает к губам инструмент и, прикрывая глаза, погружает ресторан в лёгкий транс. Она смотрит на него, на губы и думает только, о том, как они целовали бы до головокращения, как руки покоились бы на её талии.

Он приоткрывает глаза, и смотрит прямо – играет для неё. Смотрит в эти большие, карие глаза, на ухоженные тонкие руки, на сводящее с ума декольте и мечтает целовать её волосы, шею, шептать ей: как она красива, и какой он дурак...

Девушка пьёт вино. Покачивает своей стройной ножкой, прикрывает глаза и проводит пальцами по губам, пытаясь вообразить его голос...

Мужчина обхватывает саксофон и нежно поглаживает, как гладил бы её оголенную спину...

Эти двое одновременно думают друг о друге, создавая в ресторане тантрическую, любовную атмосферу, зал не замечают, мысленно растворяются друг в друге, между ними только злосчастные метры, этот холодный инструмент...

Сладкие звуки сакса, и вот их глаза открыты, они смотрят друг на друга. Он мысленно гладит её лицо, а она, чувствуя это, проводит своей рукой по щеке, губам, волосам... тербит серёжку в ухе, покусывает губы...

Во взгляде саксофониста можно прочесть целый спектр эмоций – нежность, страсть, боль, недоумение, восхищение, оправдание, упрёк....

Она приходила сюда и раньше, последний раз со своим стариком – мужем, тогда то и увидела этого человека впервые. Эта музыка, острая необходимость и в тоже время невозможность быть с ним – пленила её разум и сердце...

– Я такой дурак, милая... не смею подойти к тебе...

– Ничего, любимый. Ты рядом. Я чувствую тебя

– Всю жизнь о тебе мечтал...

– Я ждала тебя...

Музыка саксофона... Объятия и поцелуи. Заботливый

шёпот, тонкие пальчики и сильные руки. Сигаретный дым, терпкое вино... танец, страсть...

...Выступление закончилось, и он, проходя мимо, наклонился и прошептал:

– You are perfect.

Быстро коснулся губами её шеи...

Вышел из ресторана. Его ждала машина. Меньше чем через час самолет до Нью-Йорка. Её тоже ждала машина. Приехал муж и его личный шофёр.

Вот так в нашей жизни не сбываются сказки...

2009

Не важно

П

ожились они очень рано, едва исполнилось по 18. В голове копошились розовые мечты и надежды, в холодильнике был только лук, причем часто испорченный, тушенка, картошка и изредка курица. Денег первое время катастрофически не хватало, но они даже не обращали на это внимания, пока любили друг друга, были влюблены, так безумно счастливы, все делали вместе, сообща...

А сейчас она понимала, что их любовь – иллюзорна, намагнитились – притянулись, а теперь же только мучили и томили друг друга.

Он был ей так близок и далек одновременно, любовь еще жива: она думала, грезила о нем постоянно, но отчетливо

осознавала, что быть счастливой с ним никогда не сможет. Почему так происходило? Она не знала. Просто страдала и варилась каждый день в своих переживаниях, сокрушенных ради него мечтах, целях, планах. Все разбил, заменил. Но, для счастья – одного наличия «его» – оказалось мало.

Девушка всегда понимала, что их жизненные пути не совпадают. Они вырваны из разных миров, но чувства захлестнули и унесли ее прочь... Вслед за ним, его серо-голубыми глазами и улыбкой. Такой улыбкой и блеска в глазах, она не видела никогда прежде, и врядли увидит.

Первое время он любил ее больше, ей казалось – она точно застрахована от боли в будущем, но на деле все вышло иначе. Боль пришла. И намного острее и жестче рвала ее сердце. Боль была. А счастье – нет. С ним стало трудно, плохо и как-то не так, не по-настоящему, иначе! Фальшиво, словно оба притворялись, играли свои жалкие драматические роли героев-любовников, положивших на алтарь отношений все – достоинство, честь, мечты, здоровье. Привыкли, притерлись и остыли. Угли тлели. Но только тлели...

Она ждала его звонков, он не звонил. Иногда она хотела его видеть, а иногда тошнило даже от мысли возвращения в квартиру, где встретит его.

Даже, когда она собиралась вновь сказать: «я люблю тебя» – ком вставал в горле, язык пересыхал. Хотя всегда первая говорила эти слова. Ему же было все равно. Сухо брякал: «я тоже», и продолжал заниматься своими делами. Она

не была ему больше интересна. Красивая, умная, но тошно. И ему было стыдно, за то, что он разлюбил ее, предал их любовь. Часто с такими мыслями сидел на кухне. Курил и смотрел на свое бледное лицо, отражающееся в хромированном электрочайнике. Чайник, это первое, что они купили в дом. Он был символом их времени, их радости, теперь же он только навеивал тоску.

Наигрался парень, ей надоело. Они оба не хотели друг друга видеть, общаться, созваниваться, им было проще и удобнее – по отдельности, но жили они вместе, и видеться приходилось. Они злись, ругались, потом расходились спать по разным комнатам.

Сейчас девушка сидела с подругой в кафе, пила капучино с корицей, грела руки о чашку и изредка бросала взгляд в окно. На пробегающих, проходящих мимо людей. Люди... Люди... Глупые. Сами не понимают, что им надо. Чего-то усердно хотят, добиваются, потом и не знают, что делать с этим.

Думала, как же поскорее отделаться от надоедливой, болтливой подруги и позвонить ему. Именно позвонить и все сказать. Если, она увидит его любимые глаза, то опять не хватит духу. Они поужинают. Посмотрят телевизор. Перекинутся парой фраз. Займутся любовью и лягут спать. Точнее она ляжет, а он будет до ночи работать за компьютером, писать свои программы, делать сайты – у него хроническая бессонница, которая разрешается только усердной, монотонной ра-

ботой.

Девушка всегда притворяется спящей, а сама лежит и думает, как ей все осточертело. Однообразие. Раньше её жизнь была яркой: работала, училась, ходила на разнообразные курсы, тусовки, встречи. Сейчас же сидела дома, занималась хозяйством, налаживала уют, завершала ремонт, подрабатывала фрилансером (писала статьи для пары газет), а он и учился заочно и работал на пятидневке, в одной крупной фирме. И еще они планировали ребенка. Анализы – все отлично, родственники – ждут внука, но откуда им знать, что она втайне от всех пьет противозачаточные. Всем врет, говорит, сама и не понимаю, почему не получается завести мальчика...

Ей противно от своего вранья, но мамой она не хочет и не может быть: не уверена ни в себе, ни в нем, не в том, что они должны быть вместе.

Он – флегматик. Она – холерик. Ей хочется движения, ему спокойствия. Они были не вдвоем, хоть и жили в браке, вместе. Почему так стало? Не ясно. Похоронили друг друга заживо в этой старенькой квартире, а думали, что мечтают так жить. Чушь. Полная чушь...

Девушка чмокнула подругу в щеку, расплатилась, и, выйдя из кафе, сразу же набрала его номер:

- Ты же знаешь, я занят.
- Я быстро. Попрощаться.
- То есть?

– Я ухожу, вернее, уезжаю.

– Куда? Что ты несешь? У тебя очередной заскок?

– Уеду. На развод подам сама. Не сейчас.

– С ума сошла? Какой развод! Разыгрываешь?

– Хватит! Не перебивай меня! Любви нет. Все. Оставь

это...

– Как нет? А что же тогда было?! Ты что! ? Бессердечная!

– Было и прошло. И у тебя тоже. Не надо этих сцен, мол, я такая ужасная, что первая решила, все это закончить.

– Я люб...

– Заткнись!

Она бросила трубку. Отключила телефон. И вздохнула с облегчением, несмотря на намокшие от слез глаза. Он был обеспокоен, расстроен, но только пока говорил с ней. Сейчас же, обдумывая услышанное, понял, что ему все равно. Что ему так даже проще.

В тот же вечер девушка собрала самые необходимые вещи, купила билет на автобус и уехала к родителям.

А что будет теперь с ним, с кем и как – ей стало совсем не важно. Не важно.

2011

Один телефонный звонок

Один телефонный звонок.

И ты уже не одинок...

(с) Лера Массква

Она сидела за столом, на кухне. Газета недельной давности в руках, и очень крепкий кофе в стеклянной кружке на столе. На дисплее мобильного, фотография красивого, черноволосого молодого человека.

Всё, что осталось ...

Я так хочу быть частью, хотя бы самой крошечной, твоей жизни, но ты не пускаешь меня. Как будто высвечивается «введите пароль», пароля не знаю, и бьюсь, бьюсь, подбирая комбинации цифр и букв, но всё без толку. Пароль. Нет доступа. У вас нет доступа к душе этого человека.

Три недели назад он позвонил:

– Приветик, я к тебе еду.

– Ты уехал? Бросил всё?

– Мы поругались как собаки. Зачем мне всё это? Ведь есть ты. Солнышко, разгоняющее тучи моей жизни.

– Жду тебя...

Приехал. С цветами и вином – красивый, стильный, улыбающийся

Ласки, слова, поцелуи... Вино, улыбки, смех и снова поцелуи...

Аромат «Lacoste», такой пьянящий, родной, незабываемый, как и его обладатель...

Вихрем влетел в её серую, тихую жизнь. Смеясь, вскружил ей голову, но был не свободен... томительные взгляды, часы ожидания, молитв, всхлипываний...

А потом вот этот звонок. И он свободен. Они вместе...

Тахта, кальян, вино и он. Вечером. Наутро больная голова, кофе, газета, жаркий поцелуй... Часы сменяли минуты, складываясь в дни, унося с собой неделю, другую и, наконец, третью...

Они лежали в обнимку на диване, смотрели фильм, а она, прижавшись к его груди, таяла, таяла, как фруктовый лёд в жару... И тут, заиграл его мобильный.

Ушел в прихожую. Она слышала только его радостный шепот, пока теребила пальцами бомбончики от подушки...

Спустя несколько минут он зашёл. Тихонько прикрыл дверь прихожей. Сел рядом:

– Я ухожу.

– Что? Куда?

– Лёша звонил.

– И что?

– Он просил меня вернуться.

– А ты?

– ... я его люблю...

Она, закрыла ладонями лицо... Крах:

– Ненавижу тебя! Ненавижу! Убирайся отсюда!!

– Тише, ну, не надо так... Прости меня. Прости, моя маленькая... так сложились обстоятельства.

– Какие обстоятельства? Что ты несешь?

Она была не в силах контролировать нахлынувшую ярость, поэтому стала кидать в него всё, что попадётся под руку. Вначале подушка, потом журнал, пульт, затем ваза с цветами....

Все три недели проплыли у неё в голове за минуту... Прогулки по паркам, мороженое, смех, клубы, ночные посиделки на балконе, друзья, поцелуи... Счастье.

Холодно. Нет не на улице. Холодно в душе, от сердца до самого горла – лёд. Что я сделала, скажи? что сделала не так? ... ты появился, показался, дал надежду на сомнительное, но всё же счастье, а потом испарился...

– Успокойся!!!

– Уходи пока я ... я....– она без сил опустилась на диван.

Заплакала. Громко. Навзрыд.

И плачешь. Плачешь. Слезы – вода, течет, как и время, не вернуть ничего назад... ничего не остановить.

Всё просто миг. Миг и всё исчезло, наступил другой миг... И как в калейдоскопе, сменяются чёрно-белые картинки... не так. Всё не то. И нет в этом смысла...

Он обнял её:

– Глупенькая... Ты такая хорошая. Ты самая лучшая. Ты такая красивая, молодая. Всё у тебя будет.

– Но я-то хочу быть с тобой! Я люблю тебя, и только тебя. – Она умоляющее смотрела на него, из-под спутанных прядок чёрных волос.

– Прости меня. Я – дурак. Полный придурок, думал, что забуду его. С тобой всё так хорошо, просто, уютно. А с ним всё время как на пороховой бочке. Всё так странно, так бурно. Отпусти меня.

– Что я? Как я могу тебе держать, так и было ты со мной, а сердце с ним.

Успокаивающие поцелуи... Руки, скользящие по телу, тяжелое дыхание....

А наутро... ничего. Забытая, у порога фотография. Старая газета на столе и сваренный кофе. Она села за стол, на кухне.

Просто осознавать, что ты где-то есть, греет душу, потому что чувствуешь – ты не одинок, не все люди одинаковые, сидящие в своих коконах

Из окна 5этажа виднеется недавно проснувшееся солнце, кроны деревьев, лучи слепящего света, приносящие одиночество в её жизнь...

Мир полон предрассудков и стереотипов, денег, шмоток, зла, мир, не даёт делать, то, к чему тебя толкает сердце. Надо жить мозгами. Искать выгоду, думать о будущем... А, как же любовь? А, ну, да...её нет. Всё это химические реакции, гормоны и прочая научная дребедень, влечение, основанное на инстинкте продолжения рода, и только...

Больно. Вибрирует мобильный:

– Алло... алло... Саш? Ты?

– Нет. Я по поводу него – приятный мужской голос – я Лёша. Не знаешь, где он может быть?

– Он собрал вещи. Ушел. К тебе.

– У меня его нет. Он ночью обещал подъехать, телефон недоступен.

– Ночью был ливень...– прошептала она и от ужаса прикрыла ладонью рот.

Мобильник противно пищит: «алло!». Солёный, такой привычный вкус слёз...

...где бы достать такой пароль? Твой пароль?...

2008

Прощай

Вы родились вместе и вместе пребудете вечно.

*Вы будете вместе, когда белые крылья смерти развеют
ваши дни.*

Вы будете вместе даже в безмолвной памяти Божией.

Но пусть близость ваша не будет чрезмерной,

И пусть ветры небесные пляшут между вами.

Любите друг друга, но не превращайте любовь в оковы:

*Пускай лучшая она будет волнующимся морем между берегами
ваших душ.*

Наполняйте чаши друг другу, но не пейте из одной чаши.

Давайте друг другу свой хлеб, но не ешьте от одного карава.

Пойте, танцуйте вместе и радуйтесь, но пусть каждый из вас будет

одинок, как одиноки струны лютни, хотя они трепещут единой музыкой.

Отдайте ваши сердца, но не во владение друг другу.

Ибо лишь рука жизни может вместить ваши сердца.

Стойте вместе, но не слишком близко друг к другу:

Ибо колонны храма стоят порознь,

И дуб и кипарис растут не в тени друг друга.

(с) С диска «Йога-любовь пустоты»

– Ты действительно хочешь, чтобы я ушёл? – спросил высокий шатен, держа в одной руке дверную ручку, а в другой чемодан со своими вещами.

– Мы не понимаем друг друга. Я не могу так больше! Уходи, ... прошу тебя, оставь меня в покое... – ответила худенькая светловолосая девушка, вытирая слёзы рукавом водолазки.

Парень посмотрел в её серые глаза, в них не было привычного тепла и, это пугало:

– Я к матери улечу, ты тут одна куковать останешься. Моего адреса ты не знаешь, к тому же так далеко... последний шанс... готова перечеркнуть всё, что между нами было?

– Уходи ... так устала, сил нет ... – она захлопнула дверь.

Девушка прислонилась к двери и услышала вначале шаги затем звук уезжающего лифта...

Он застегнул свою куртку, поймал попутку и поехал в аэропорт. По стеклу машины хлестал дождь. Парень разглядывал проплывающие дома, машины, бегущих от непогоды людей и думал о ней... Снова поссорились, на этот раз серьёзно, раз она выгнала его из квартиры. В самом деле, больше так продолжаться не могло. Они любили друг друга, но ругались постоянно. Из-за всяких пустяков, ревности, лени и невнимательности по отношению друг к другу.

Да, была любовь. Но, видимо, одной любви мало, раз они

не готовы друг для друга поменяться. Они были разными, с непохожим прошлым, принципами, вкусами. Дружья всё время твердили, что они не пара.

Разгильдяй, ловелас, кутила, а она интеллигентная, романтическая девушка, с хорошей репутацией и старше его на два года. Однако, они никого не слушали, всё время были вместе. Когда он держал её хрупкую, тёплую ладошку в своей ладони и целовал её в уголок губ – мир перед ним переставал существовать. Для него она была ангелом: всегда мила, с улыбкой, поддерживала его... И вот, потом они начали ссориться. Виноваты были родители, друзья, однокурсники, которые твердили, что лучше им расстаться.

Всплывали старые истории... Ревность. Парень с девушкой перестали друг другу доверять, стали придираться по мелочам.

Парень прошёл по полированному полу аэропорта к кассе и купил билет до Киева, прошёл регистрацию, сдал чемодан в багаж. Потом пошёл в кафешку, купил пива, чипсов. Сел за столик, закурил. До самолёта оставалось чуть больше получаса...

Плакала, сидя около двери, всё думала, о том, как теперь будет жить без него, как глупы эти ссоры, сколько всего прекрасного было. Легче забыть всё плохое, чем хотя бы часть хорошего...

Я не должна его потерять... люблю его. Милый, не улетай, пожалуйста...

Он посмотрел на часы – пора собираться. *Начинается посадка на рейс 789 Москва – Киев.* Бутылка пива только навредила ему, в душе ещё отчетливее всё болело. Абсолютно раздавлен.

Девушка выскочила из такси и забежала в аэропорт. Посадка уже началась. Кассир указала ей куда идти. Но без регистрации и без билета – дальше не пустят.

Её длинные, светлые волосы развевались, а она, расталкивая прохожих, пробиралась к окну. Набирала его номер, но безрезультатно – никто не брал, она не могла знать, что он свой мобильник по рассеянности оставил на столике в кафе...

Нашёл своё место и сел на кресло у иллюминатора. Включил плеер, вставил наушники и закрыл глаза. Самолёт поднялся в воздух. Девушка молча, с печалью, смотрела в окно, белый, мощный самолёт, разогнался и подобно птице взметнулся в небо. У обоих катились слёзы по щекам, он улетап, а она оставалась здесь...

2007

Семья

Даже самая прочная семья не прочнее карточного домика.

Джордж Савил

В семейной жизни главное – терпение.

Чехов

К

огда всё это прекратится? Моя семья разваливается на части: мать с отцом ругаются между собой, срывают зло на мне. А всё потому, что отец начал пить. Не просто выпивать, а напиваться до пороссячьего визга, его уже четыре раза выставляли с работы. Человек не может запить от хорошей жизни.

Он пять лет воевал в Афганистане, видел, как разорвало на части его друзей, попадал в плен – у отца нарушилась психика. Столько выстрадал! Пришёл туда трусливым ботаником, а потом изменился, стал стирать врагов в порошок.

Уходил в Афган, чтобы заработать денег, я тогда подрастала, едва сводили концы с концами. Но вместо двух лет служба протянулась целых пять, мама думала – погиб. Когда вернулся, узнал, что она изменяла ему с его другом. Разво-

даться не стали, чтобы меня не травмировать. Вышло ещё хуже.

Отец стал пить, шататься по городу, мать из-за чувства вины превратилась в несчастную домохозяйку, а я жила между двух огней. Видя их мучения, росла не таким ребёнком как другие, не верила в любовь, в семейное счастье, в себя.

В своих междоусобных войнах они совсем забыли о том, что я живой человек. Их не интересовали мои оценки, увлечения, то, что у меня нет нормальной одежды, карманных денег, друзей и, в конце концов, их не волновало моё здоровье...

Росла замкнутой, неуверенной в себе девчонкой, смотрела старые фильмы, читала Шекспира, слушала классическую музыку, училась на одни пятёрки. В этом заключался весь смысл моей жизни. Одноклассники меня не замечали, ни друзей, ни парня не было. Да это меня и не интересовало, я думала только о том, чтобы приходя домой, не слышать этой ругани, упрёков и не попадаться под горячую руку. Они ругались, мне было их жаль. Хотела, чтобы в нашей жизни всё наладилось. Но они не любили друг друга, терпели этот ад, из кожи вон лезли, чтобы заработать крохи на ужин, а потом их же пропивали.

Думая, что так сохранят нашу семью, они не разводились, но я-то понимала, что в нашей семье – трещина. Я пересмотрела взгляды на жизнь и стала очень общительной девушкой. Пила, курила траву, кололась, нюхала клей, искала утешение

в кроватях разнообразных парней. Деньги на наркоте зарабатывала воровством. На какое-то время успокаивалась, потом сутками не появлялась дома, хотя родители редко это замечали...

Я так устала от всего этого. Три искалеченные судьбы под одной крышей, два алкоголика и наркоманка. Докатились... а в других семьях взаимопонимание, любовь, семейные традиции, подарки по праздникам.

Слышу как на кухне, они снова ругаются, посуда летит на пол и бьётся, отец замахивается на мать... Сажу на диване и разглядываю наше фото под рамкой, мне тут года два. Мы улыбаемся, такие счастливые... Стоп! Хватит!

Всегда закрывают дверь, чтобы я типа не слышала, но своим криком они мёртвого из могилы разбудят.

Открываю дверь. Они стоят и виновато смотрят на меня:

– Мам, не плачь, – говорю я и крепко обнимаю её.

Потом подхожу к папе, тоже обнимаю, нежно целую в щеку и тихо говорю:

– Я люблю вас. Вы ни в чём не виноваты... вам лучше развестись. Из нас не выйдет семьи. Не мучайте себя.

Они оба едва сдерживают слёзы. Нужно уметь остановиться, и не пытаться склеивать давно разбитое.

2007

Второй ты

Девушкам, пережившим предательство любимых людей.

Всё. Я смогла это сделать. Сильнее тебя, слышишь? Буду жить дальше. Он никогда меня предаст, как это сделал ты. Бросил тогда, когда был мне так необходим.

А я любила, и что скрывать, до сих пор люблю тебя. В тебя легко влюбиться. Конечно, ты же не сразу показываешь свою настоящую сущность. Прикидываешься галантным, милым обаяшкой. Красивые слова, ухажерство, нежные прикосновения, взгляд глаза в глаза... а всё это чтобы затащить симпатичную девчонку в постель. Да?

Я была такой же наивной душой, как многие кто знаком с тобой. Вначале казалось, что это ты безнадёжно влюблён и не хочется обижать. А потом когда девчонка сама влюбляется, ты её бессовестно кидаешь. Разве пикаперы поступают как-то по-другому? Правда, в моей истории всё сложилось ещё хуже.

Ты сразу обратил на меня внимание – несмотря на 15 лет, я выгляжу взрослее в разы. Я училась в десятом классе, а ты на третьем курсе института, на психфаке.

Когда мы познакомились, действительно подумала, что ты хороший парень, на которого можно положиться и, который отвечает за свои поступки. О, как я заблуждалась!

Один раз ты ушёл, – решила порыться у тебя в мобильнике. В телефонной книге нашла очень внушительный список

девушек и рядом с каждой дата, удивилась. Может это дата знакомства? Но сама была спокойна, моё имя без циферок.

Всё было слишком прекрасно... Нежные слова, цветы, прогулки... Луна, небо, звёзды, балкон, где мы целовались, читал мне стихи... Блин, просто купил себе книжек по психологии, одна из них называлась «Руководство по пикапу». Я видела эти книги, но не знала о чём они.

После нашей второй ночи ты бросил меня. Обычные парни хотя бы что-то говорят на прощание, но ты – исчез...

Мерзавец. Через три месяца... О, это был ужас! Тщетно пыталась тебя найти, но ты сменил номер, квартира была твоего дружка, собрата по «профессии». Он мне сказал, что искать тебя бесполезно, ты же – пикапер.

И в это же время я наткнулась на статью в каком-то девчачьем журнале о пикаперах, потом лазила по интернету. Сходные истории были у множества наивных девушек вроде меня. Тогда всё встало на свои места. Вот значит, что обозначают все эти даты – день, когда ты девчонку соблазнил. Значит и у моего имени уже стоит дата. Какая же я дура...

Лежу в больнице, в тесной палате, на койке. Все иронично хмыкают при виде меня. А за что? Я такой же человек как они. Зачем причинять мне ещё большую боль? Уже столько ночей проревела в подушку, переругалась с родителями, и боялась сделать неправильный выбор... Мне и так плохо, не хотела, что бы всё так вышло, хотела жить как все: окончить школу, поступить в институт, выучиться и работать. Но он

все мои планы порушил. Но, сейчас нисколько не жалею о своём выборе.

Заходит медсестра, я улыбаюсь ей, она спрашивает о моём самочувствии и подаёт то, для чего теперь живу. Это второй ты, мой синеглазый сынок – Ярик. Беру его, прижимаю к себе. Он такой тёплый, маленький и милый.

У него крохотные пальчики и едва заметные тёмные волосики... Солнышко моё, Ярик, обещаю, что мы и без папы будем жить счастливо...

2007

День Святого Валентина

Ненавижу день Святого Валентина. Дурацкий праздник влюблённых. Парочки снуют туда-сюда, сюсюкают, целуются, где и как только можно, покупают друг другу дебильные подарочки, тратя на них бесполезно деньги.... А больше всего меня раздражают эти сердечки. Эти валентинки всех цветов и размеров, цветочки, рисованные купидончики, собачки, зайчики... смотреть тошно. И что интересного в этом празднике? Можно и без повода напиться или поухлёстывать за какой-нибудь дамочкой... Мрак просто, а не праздник.

Думаете, наверное, что я феминистка и никогда никого не любила? В том и проблема, что любила, хотя лучше б уж действительно была феминисткой...

Он совершенно не ценил меня и мою любовь. Ну, как же он не понял, что я так люблю его, что даже готова ради него на все. Это так сложно, путано... из-за него руки резала, кровь текла по пальцам. А я только и думала, как же сильно люблю. Да, дура. Да, глупо... он просто бабник....

Совсем не такой, как мои сверстники. Он старше, красивее, умнее... я была просто девчонкой, а он перспективным молодым человеком, со своим богатым жизненным опытом и установившимся мировоззрением...

Тут я и попалась... совершенно невиданные мне раньше,

чувства накрыли меня с головой. Я влюбилась впервые. Ходила за ним по пятам, говорила и думала только о нём, дышала им, жила им... я так мечтала быть с ним... дура, наверное, но даже умерла бы за его любовь; ведь без него просто смысла не было жить. Это, правда, было так. Я не могла без него. Ночами напролёт ревела, ведь у него было до фонта поклонниц. Самая жестокая шутка судьбы в том, что мы живём в разных городах...я очень редко его видела, но это не мешало мне любить его. От нехватки его глаз моё чувство только обострялось. Оно как лезвие вновь и вновь резало мою душу....

Всегда, когда я вспоминала его, а это было часто, в груди щемило так сильно, что казалось грудная клетка, лопнет от напряжения, на глазах наворачивались слёзы и мир переставал существовать. Я закрылась от всех. Жила только воспоминаниями... думала, думала, ревела, кусала губы и резала руки, так что потом оставались маленькие шрамы. Но, в моём сердце всегда теплилась надежда. Махонькая такая, я очень верила, что когда-нибудь он посмотрит на меня ни как на ребёнка, а как на девушку, которую будет любить...

О, наивная!... всё это продолжалось два года. Два долгих, несчастных года... кому-то любовь приносит радость, окрыляет, а моя жгла меня изнутри, как чумное пятно... я любила и ненавидела его одновременно, кричала, ревела, проклинала всё....

И вот однажды мы встретились с ним, он был так мил,

так открыт, целовал меня, и в моей душе что-то ломалось, крошилось. Я ведь поверила, поверила! Дура! Мы сидели с ним на скамейке и говорили-говорили, он так крепко обнимал меня, и я подумала – вот оно счастье! Я была настолько рада, что мне было даже страшно. Но не бывает в жизни так, что прямо всё-всё хорошо. И мои опасения подтвердились.

Он просто помахал ручкой и сказал, что ни о каких чувствах и отношениях речи идти не может.... Всё рухнуло в одночасье. Всё. Все надежды. Мечты. Он, молча, растоптал мою любовь, мои чувства, он смеялся, а я в это время плакала в подушку!!!

И, знаете, мне стало так гадко и жалко себя. Так обидно за все свои переживания, слёзы, за опухшие глаза и растраченные нервы... Я решила забыть о нём, надежда умерла, я не хотела знать этого человека.

Вначале было трудно, я не жила, а существовала, ходила бледная, с отсутствующим взглядом. Я сожгла все его фотографии. Удалила все эмейлы и смски... всё, что напоминала мне о нём, летело в корзину. Полностью перестала общаться с нашими общими знакомыми. Я поставила точку. Хватит с меня. Моя любовь была вымыта из моего сердца солёными слезами. Хватит.

Так вот – сегодня уже как полгода я не живу им, не пишу и не звоню, практически не вспоминаю. Я учусь, у меня много друзей, много разных дел, скучать совсем не когда. Слышала, что он вроде как нашёл любовь своей жизни. Ну, рада за

него, лично мне одной гораздо проще.

У меня был как-то парень, но мне с ним было скучно и всё время не хватало ни времени, ни сил на него. А что до любви, то я больше в неё не верю, поэтому не вижу смысла праздновать этот праздник... вот так то.

Вот сегодня опять 14. Февраля. День всех влюблённых. Я, как и говорила – не праздную, просто гуляю по Арбату, домой не хочется. У моих родителей годовщина свадьбы, умудрились же жениться в такой праздник...

Что-то холодно, застёгиваю верхнюю пуговицу своей коротенькой дублёнки, поправляю белую шапку и сажусь на скамейку. От хождения на каблуках так ноги болят. Сажу и смотрю на мимо проходящие парочки. Смеются, целуются, что-то горячо обсуждают. А я вот сажу. Одна. Судьба у меня видимо такая.

А вокруг сердечки, шарики, цветы, мягкие игрушки, улыбки и смех. Тошно. Но плакать я не собираюсь, С меня хватило слёз, я больше не плачу. Я сильная.

Оборачиваюсь и вижу на боковой скамейке, рядом со мной, сидит парень. В руке алая роза и большая валентинка. Наверное, девушку свою ждёт. От нечего делать разглядываю его. Блондин, худой, в спортивной куртке, недельная щетина. Всё время поглядывает на часы и нервно покусывает губы. Что опаздывает твоя принцесса? То тоже.

Мне даже весело становится ждать с ним его девушку. Интересно как она выглядит,... а парень... смутно знако-

мый, где-то я его видела... стоп! Это же...это...ОН! Да точно. Упырь, о котором я рассказывала в начале. Что же он забыл в нашем городе? Зачем он тут? И девицу видимо успел подцепить...

Слышу, у него звонит мобильник. Дурацкая клубная мелодия:

– Да, красавица. Ты скоро? Я уже устал...что? Как? – молчание. – Ты вернулась к нему? Постой, а как же я? Просто друг? Я ехал к тебе столько. Ты сдурела что ли? Я ведь люблю тебя. Тебе жаль? Да как ты могла? Тем более в праздник? ...и не звонить тебе? ...да пошла ты.

Он злобно запихивает трубку в карман куртки и рвёт валентинку на мелкие кусочки, а потом топчет ногами.

Я сижу и хлопаю ресницами. Вот она судьба-заступница. Всё что ты когда-либо сделал, всегда возвращается к тебе. Что посеешь, то и пожмёшь, как говорится. Молодец девчонка так его отбрила. Пока я философствовала, он видимо собрался с мыслями и подошел ко мне:

– Девушка, вам...это ты? – он побледнел, не ожидал меня здесь увидеть. – Но...

– Здравствуй, Серёжа. Что хотел?

– Да, вот розу хотел отдать...она, вроде как, мне не нужна.

– Спасибо, мне тоже...

– Это...прости меня. Я дурак был, может, праздник вместе справим?

Молчание. Я тянула время. Широко улыбнулась. Встала:

– Нет, дорогуша. Слишком поздно. Поезд ушёл...

– Но, как, это... ты ведь любила меня, прости, ну... подожди...

– Разбирайся со своими проблемами сам. Я не запасная. Прощай.

Он ошарашенный стоял и что-то мямлил, мне было всё равно, я схватила сумку и, точно также помахав ручкой, отправилась вниз по Арбату, к своей остановке.

Ни разу не обернулась. Я так и так знала, что он сейчас стоит, психует и доламывает бедную розочку. И поделом ему. Слёзы катятся по щекам... Видимо, ни одна я теперь буду не любить этот праздник...

2007

С

Привет

Сегодня воскресенье. Я встала пораньше, чтобы всё успеть.

Накрутила кудрей, ты любишь волнистые волосы. Накрасила глаза, губы, хотя ты знаешь, что я предпочитаю естественную красоту. Надела короткую юбочку и ту розовую кофту, которую ты мне подарил. Я ещё ругала тебя, что так много потратил денег, она эксклюзивная. А ты у меня не богат...Простой студент, живущий на стипендию.

Вышла на улицу. Солнышко залило всё золотыми лучами, а на голубом небе разбросаны облака, как кусочки причудливой ваты. Тепло. Настроение хорошее. Я иду к тебе.

Сворачиваю к цветочному ларьку. Покупаю самые лучшие, красные розы. Они прекрасны... Так, начинаю опаздывать...

Иду по тропинке, ведущей за город. Вековые дубы, печальные берёзки и высокая трава... Подхожу и отпираю железную калитку. Как часто я здесь бываю! Тут так спокойно, хотя немного грустно, но очень красиво... А вот и ты!

Помнишь, как мы познакомились? Я была наивная девочкой с косичками, бегала за тобой. Ты был взрослый, высокий и красивый старшеклассник. И девушка была. Потом, конечно, вы расстались, потому что я пленила тебя...

Ты говорил, что я одна такая на свете, как агнец Божий, остальные злые, пошлые, наглые. Было странно такое слышать, но приятно. Наши отношения были практически идеальными. Романтика, любовь, прогулки, поцелуи...

Мы хотели пожениться, когда я закончу школу. Осталось несколько месяцев... Грустно стало. В глазах защипало. Слезы по щекам скатываются. С чего бы это? Иду к тебе. Нельзя плакать. Я сильная. Ты учил меня никогда не сдаваться и не унывать – это слабость ...

Как у тебя всё красиво. Я старалась. Всё своими руками делала, после школы. Хотела угодить ...

Любимый, я так скучала. Прости, что не каждый день прихожу. Школа... Ты сам говорил, что образование очень важно.

Подхожу ближе и кладу четыре розы на гранитную, серую, могильную плиту. Под деревянным крестом твоё улыбающееся фото. Ты такой чудесный... Привет.

Я не слышу, как ты отвечаешь «привет-привет», но ощущаю тебя. Ты здесь, рядом. Пусть я не вижу тебя. Но помню каждый взмах твоих ресниц, слышу лёгкий ветерок в тёмных волосах, взгляд мудрых глаз....

Люблю тебя. Буду всегда приходить, разговаривать... говорить «привет».

Скоро закончу школу, и мы поженимся... Что я говорю? Зачем?

Прости... что я не рядом... не в этой сырой, тёплой зем-

ле... когда-нибудь я буду с тобой...

2007

Уходи

О

тпираю нашу съёмную квартиру вторым ключом. Вхожу в спальню, из окна сквозь тонкие бирюзовые шторы пробиваются утренние золотистые лучи солнца, заливая комнату мягким светом.

Я сажусь на мягкую, двуспальную кровать, на которой прошло столько сладких ночей. Взяла твою подушку и не удержалась – понюхала. Она всё ещё хранит твой запах. Такой приятный, мужественный, знакомый... Я всегда просыпалась раньше тебя и видела, как красиво рассыпаются по нежно голубой подушке в серебристый цветочек твои чёрные как смоль волосы...

Но я пришла не за воспоминаниями. А за вещами. Открываю дверцу дубового шкафа, с полочек забираю свои ночные рубашки, нижнее бельё, халаты, футболки, джинсы, юбки, кофты и складываю всё в серую брезентовую сумку. Уф! Вещей много, они не входят, а ведь ещё обувь и куртки. Я открыла другую дверцу, с верхней одеждой, взяла дублёнку и из неё выпал красный, шерстяной шарф. Длинный и мягкий. Я вдохнула его аромат – сразу навеялись воспоминания.

нения о моей болезни, том месяце, когда я болела ангиной.

Ты мне купил этот шарф, обмотал мою шею, накупил кучу лекарств, стал поить меня чаем с мёдом и малиной, а ночь наливал водки с перцем и обнимал так крепко-крепко... ставил градусник каждый час, давал таблетки и целовал в лоб, как заботливый папаша... а по ночам укрывал меня двумя пуховыми одеялами...

Такое ощущение, что мы живём с тобой вместе всю жизнь, а не какие-то полгода.

У нас всё так прекрасно начиналось... познакомились в институте, ты два раза пытался узнать как меня зовут и вот только на третий мы познакомились.

А потом всё закрутилось со скоростью света: комплименты, розы, объятия, поцелуи, прогулки по ночному городу в обнимку с тобой. Я тогда ловила завистливые взгляды прохожих девиц, ведь ты у меня такой красивый. Все эти воспоминания крутятся волчком в голове, помню твой голос, глаза и губы.

Сейчас всё закончилось. Я пришла забрать все свои вещи. Мне было хорошо, но ты разбил моё сердце.

С полоч собрала все твои подарки: мягкие игрушки, открытки, косметику, сувениры. А из стола: стихи, записки, письма – всё летит в мусорку. Из шкафа достала наши фотоальбомы и от совместных снимков аккуратно отрезала свои изображения, оставила только твои фотографии, свои забрала абсолютно все.

Вот и всё. Вещи собраны, напоминания обо мне стёрты. Будто и не жила здесь с тобой. Ухожу, а перед глазами картина нашего разрыва – ты сидишь на нашей кровати и целуешь полураздетую блондинку. Я тогда вернулась с лекций раньше и застучала тебя пьяного в стельку и эту девчонку, с филфака... ты вытолкнул бедняжку, просил прощения на коленях, умолял дать ещё шанс. Но я была непреклонна. Хлопнув дверью на прощание, уехала домой, к родителям. А сегодня решила забрать вещи; на автоответчике оставила сообщение, о том, что я тебя отпускаю и между нами всё кончено.

Слёзы по щекам, выхожу, запираю двери, и ключ кладу под половик у двери. Прихожу домой к родителям и, как дура сижу одна. Они на работе, но разбирать вещи почему-то не решаюсь. Сижу за столом на кухне, в руках кружка с кофе, сижу и реву... Звонок в дверь. Я вытираю заплаканное лицо рукавом халата и открываю дверь.

Ты. Глупо стоишь на коленях с одинокой алой розой и шариком с надписью «прости». Господи! Какой же ты глупый, блудливый мальчишка! Я улыбнулась, слёзы снова появились в глазах, кинулась к тебе на шею... Люблю... никуда больше не уйду...

Пусть глупая. Многие бы не поняли... измена, ужасно, предательство. Но, я готова простить. Готова на это ради нас, даже буду надеяться, что это никогда не повториться. Поняла, что не смогу уйти от тебя. Смогу собрать вещи, смогу уехать, но начать новую жизнь – нет. С кем-то другим? Ни-

когда. Я сделала свой выбор, а если ты сомневаешься, сделаю всё, лишь бы ты сделал свой выбор. В пользу меня.

2007

АВТООТВЕТЧИК

Я написала этот рассказ, потому что мне очень жаль одного парня, который жил в моём доме, и недавно покончил с собой. Бедняга. Пусть земля тебе будет пухом.

12.01Пишип. Алекс! Ты представь себе, он меня бросил! По вузу гуляют слухи, что у него другая – какая-то блондинка с факультета культурологии. Я уже целый час сижу и реву, приезжай ко мне. Мне плохо.

14.01Пишип. Это Анна. Меня нет дома, оставьте сообщение после сигнала.

Привет. Всегда можешь обращаться ко мне. Тогда же приехал, правда, с экзамена ушёл. Ну, да ладно, ты важнее всего. Завтра ходим в кино, повеселимся. Не грусти, малыш.

17.01Пишип. Это Анна. Вчера ты мне открылся...ты меня любишь. Но... Я отношусь к тебе как к другу...с ним недавно рассталась – мне очень тяжело. Извини меня. Я не могу.

18.01Пишип. Это Анна. Меня нет дома, оставьте сообщение после сигнала.

Милая, я всё понял. Не буду мешать твоей жизни. Я не

могу оставаться наедине со своей любовью. Пойми, я всегда любил тебя. Сильнее, чем всё на свете. И знаешь, готов всё отдать лишь бы ты была счастлива. Прощай, будь счастлива и не грусти, улыбка идёт тебе гораздо больше. Может, сможешь ещё вернуть его. Постарайся, если действительно любишь. Ну, а мы, наверное, больше не увидимся.

20.01Пишун. Алекс, слушай, прости. Всё, что я наговорила это чушь. Пожалуйста, не обижайся. Если ты всё ещё хочешь, то давай попробуем встречаться. Я начинаю новую жизнь, он не заслуживает меня... Ты оставил странное сообщение. Что это значит? Куда ты пропал? Почему не увидимся? Уезжаешь?

25.01Пишун. Алекс? Почему на автоответчике другой голос? Ты, что съехал?

26.01Пишун. Это Анна. Меня нет дома, оставьте сообщение после сигнала.

Девушка, извините, Алекс здесь не проживает, вы видимо, ошиблись номером.

26.01Пишун. Вы позвонили Смитам. Оставьте своё сообщение после сигнала.

Миссис Смит? Я Анна, подруга Алекса. Вы не знаете, куда он пропал? Я ему оставила сообщения, но он не ответил.

Вчера съездила на квартиру – там уже живёт другая семья. Он у вас? Пусть перезвонит.

26.01Пишишп. Это Анна. Меня нет дома, оставьте сообщение после сигнала.

Анна, мне очень жаль, Алекс... покончил с собой. В своей съёмной квартире, на трубе в ванной повесился. Это ужасно... Смиты никак не могут оправиться от горя, недавно были похороны. А такой молодой был парень... Если что, звоните мне, я их соседка миссис Адамс. Не тревожьте Смитов, не напоминайте лишний раз, им тяжело. До свидания.

2007

(не) счастливый день

Человеческое счастье хрупко ... минуту назад ты счастлив, сейчас нет. Неверный шаг или полшага , отступаешься, тебя толкают, падаешь, падаешь и рушишь всё то, что по кирпичикам выстраивал, своим потом и кровью.

Тогда проще всего сломаться. Сломать в себе всё хорошее, что есть, впасть в вечное уныние. Мало кто выдерживает удар судьбы.. хочется вырвать сердце из груди, чтобы оно не болело, не щемило... хочется кричать о своей боли и весь оптимистический настрой смывается в слив...Слёзы душат, в глазах полное отсутствие...

Ты не понимаешь, как такое могло произойти, но это происходит. И это не кошмар. Это явь...

Ужасному случаю.

Сегодня самый счастливый день в её жизни. Она в белоснежном платье, улыбается, фата развевается по ветру. Тёмные волосы уложены в свадебную причёску, на ногах белые туфли на высоких шпильках, на пальце красуется золотое кольцо с бриллиантом...

Все кричат, поздравляют, кругом цветы, машины, шам-

панское, смех, вспышки фотокамер. Невеста держит жениха, блондина в белоснежном фраке, за руку и нежно-нежно целует.

Гостей много. Друзья, коллеги, хорошие знакомые... Только одного человека она забыла позвать... Того, от кого всегда теряла голову, чей запах везде мерещился... Демона-искусителя, самого подлого, ветреного человека, который раз сломал ей жизнь и вернулся, чтобы сделать тоже самое...

Высокий брюнет в солнечных очках и стильном, черном деловом костюме, с кейсом в руках, стоит поодаль, за деревьями, и наблюдает за празднеством. Пьёт вино. Он знает, зачем пришёл. Ставит бутылку на землю. Улыбается.

Молодожены кружатся в вальсе, они счастливы, им хорошо вдвоём...

...секунда и хлопок...

Жених подкашивается и падает на руки невесте, та стоит в забрызганном кровью платье, с трудом удерживая бездыханное тело любимого. Брюнет застёгивает кейс, садится в свою скоростную машину, давит на газ и уезжает... Девушка опускается на колени и держит в ладонях лицо любимого. Волбу чернеет дыра... около губ капли крови... Она целует его

ВНОВЬ И ВНОВЬ, ... а слёзы капают....

Оступилась. Один раз. Привет из прошлого. Счастью конец. Сама виновата.

Всё...

P.S. Помните – за всё в жизни приходится платить. Нельзя получить сразу два горошка на ложку, нельзя думать, что ты дуришь судьбу. Она всё расставит по местам.

2008

НОВЫЙ ГОД: ЛЮБОВЬ И СЛЁЗЫ

Because day come and go

But my feeling for you

All forever...

Рара Roach «Forever»

Иду по улице. Тебя вспоминаю...

Ты, наверное, сейчас покупаешь подарки, бегаешь за ёлкой, закупаешься к новому году. А в новогоднюю ночь, под бенгальские огни, радостные крики, звуки, разливающегося шампанского и бой курантов будешь целовать какую-нибудь девушку.

На улице гуляют парочки, все бегут с коробками, бутылками, ветками ели к себе домой – устраивать атмосферу праздника.

Горят фонари. Тихо льется музыка из динамиков. Я иду по белоснежному снегу, а рядом какой-то мальчишка лепит снежки и кидается в прохожих... Везёт ему. Озорник.

А ты... С девушкой...

Мандарины, смех, запах взорвавшихся петард, яркие огоньки, ёлочные игрушки, «Оливье»...

Вдыхаю свежий, ночной воздух. На чёрном небе рассыпаны мелкие звёздочки. А я всё шагаю вдоль улицы и разглядываю витрины, вспоминая атрибуты нового года...

Загадай желание.

Загадай, глядя на звезду.

Подарки, шампанское, красные колпаки, вырезанные из фольги снежинки, мишура, дождик...

Вот я и дома. Режу салаты и напеваю «jingle bells». По телевизору показывают «Иронию Судьбы». Слёзы капают мне на руку. Всё будет хорошо. Новый год – весёлый праздник, а в праздничную ночь возможны даже чудеса...

Утри свои слёзы.

Ты. Единственное чудо, которого я хочу. Ты. Единственный подарок, о котором я прошу старого Деда, с красным мешком. Ты. Возможное. Ты. Не осуществимое...

Я так люблю твой смех...

Стол накрыт, за столом гости. Все аппетитно стучат вилками по тарелкам, поднимают бокалы за старый год, говорят много прекрасных слов и пожеланий. Я улыбаюсь.

На экране телевизора – президент.

Зажигаются бенгальские огни. Пробка вылетает из бутылки шампанского. Смех. Звуки разливающегося шампанского по бокалам. Бьют куранты. Раз...два...три...

И повтори желание под бой курантов.

Когда длинная и короткая стрелка на часах встанут на 12...

12. Полночь. Граница старого и нового года. Ожидание. Все молчат.

...зажмурься...

Открой глаза и обернись...

Ты...ТЫ! Это правда ТЫ! Стоишь со связкой мандаринов, дорожной сумкой и коробкой, перетянутой красной, упаковочной лентой. Улыбаешься.

Я улыбаюсь в ответ. Порывисто обнимаешь меня и нежно, долго целуешь...

Меня, а не какую-нибудь девушку... Друзья посыпают нас конфетти...звучит гимн Российской Федерации...

Самый лучший Новый Год...

Всех с праздником!!!

2007

Живи

"Жизнь – это что-то невозможное. Ее не должно было быть, но она есть. Это чудо – что есть мы, что есть деревья, птицы. Это действительно чудо, потому что вся вселенная мертва. Миллионы и миллионы звезд – мертвы, миллионы и миллионы солнечных систем – мертвы. Только на этой Маленькой планете Земля, которая ничто, ведь если подумать о ее пропорциях, то она – просто частичка пыли – только на ней случилась жизнь. Это самое счастливое место во всем мироздании. Птицы поют, деревья растут, расцветая. Живут люди, любящие, поющие, танцующие. Случилось нечто просто невероятное".

Бхагван Шри Раджниши

П
рошу тебя, пожалуйста, не умирай... Живи.

Твои тёмные волосы слиплись от крови, на лбу – испарина, глаза закрыты, дыхание прерывистое.

Я положила голову на твою грудь – сердце так тихонько, мелодично стучит, но не ровно, а скачками, так не должно быть. Ножевое ранение. Красно-чёрное пятно растеклось по футболке ужасающей бабочкой, вижу, что ты борешься за

свою жизнь, но сможешь ли? Живи, ради меня, умоляю...

Знаю, ты не хочешь так. Строгие родители, дурацкие друзья, провалы, насмешки, неудачи... Да, и я не была далеко идеальной девушкой... Скверный характер, влюбчивость, всегда несправедливо поступала с тобой, бросала тебя, уходила к другим, потом возвращалась, капризничала и снова бросала, а ты всё прощал и терпел. Нет, конечно, взрывался, и причем, иногда кошмарные вещи вытворял. Но, тебя можно понять, и можно простить. А вот я неправа и неблагодарна, была...

Снимаю свою куртку и накрываю тебя ею, сама остаюсь в полупрозрачном топике. Ничего, не замёрзну. Лишь бы ты не замерзал. Футболка пропиталась кровью. Это пятно не даёт мне покоя. Чем оно больше, тем сильнее у меня холодеет сердце. Господи, как я боюсь тебя потерять. Знаешь, никогда бы не подумала, что буду так хотеть, чтобы ты жил. Что это будет моим единственным желанием.

Горячие слёзы капаят на твоё холодеющее лицо. Господи, прошу тебя, оставь ему жизнь! Умоляю! Он никому не причинял зла! Ты держишь на свободе убийц, пьяниц, насильников и хочешь забрать такого человека? Господи!

Знаю, жизнь тяжела, коварна, умеет ставить подножки,

умеет бить исподтишка наотмашь, со всей силы, но умеет и радовать, удивлять, дарить любовь, нежность, чудеса! Мир порой жесток, случается всякое. Мы не знаем точно, как обернется следующий день, то или иное событие, та или иная встреча, действие...

Даже в такой ужасной ситуации, я не могу не увидеть, как прекрасно, все то, что Вселенная сотворила: ночное небо, звёзды, луна. Они словно живые, наблюдают за нами, шушукуются. Луна молчалива и одинока, а звезд много, они как детки, сверкают, смеются, безобразничают... А небо, необъятно, могуче, прекрасно, вечно... Его Величие восхваляли, и будут восхвалять, а я буду восхвалять Бога, если смогу завтра увидеть тебя выздоравливающим и улыбающимся.

Сейчас ты думаешь, что мир – гадок, люди – подлецы и жить незачем, но если у тебя нет ради чего жить, то ты не сможешь бороться, а я не смогу спасти тебя и умру без тебя. Разве ты не был счастлив? А потом у тебя будет семья, дети. Разве для этого не стоит жить? А как же твои родители? Я? Что будет с нами, если ты умрёшь? Борись... не сдавайся, слышишь... Жизнь прекрасна, ты просто обязан жить!

Зачем ты пошёл со мной и ещё заступился? Видишь как вышло. Наркоманы, как стая стервятников набросились на нас, у меня украли сумочку, а ты дрался с ними – хотел вер-

нуть мою сумку. Но их было больше, они сильнее.

Вначале пинали, потом один ударил тебя чем-то тяжёлым по голове, другой всадил нож в живот. Эти ублюдки засмеялись и ушли.

Мы посредине городского парка, ты лежишь на траве и истекаешь кровью... Что мне сделать? Я не дам тебе умереть, слышишь? Собираю все силы в кулак, и, взяв тебя за руки, скрипя зубами, тащу до скамейки, а, потом приподнимаю и укладываю на это деревянное ложе. Осторожно целую в посиневшие губы. Держись, я скоро приду...

В ушах стучит, слёзы влажной дорожкой стекают по щекам, а в горле застыл комок... А если я не смогу тебя спасти? Я же умру! Раньше не понимала, что ты – самое ценное что есть у меня в жизни. Слишком поздно. Но теперь, я должна и хочу, быть с тобой всегда...

Встаю на обочине и вытянув руку, ловлю машину. Вокруг темно, где-то воют собаки, на небосклоне одиноко сияет луна в окружении свои придворных – печальных звёзд. Люди в это время сидят по домам и никому нет дела, что в парке умирает человек... Этот человек слишком молод и слишком хорош, чтобы умирать.

В небе загрохотало и хлынул дождь, ну вот, ещё это не

хватало... Я обнимаю себя руками, стараясь согреться и сдержать отчаянный крик. Крик боли, крик моей души... Люди, прошу вас! Кто-нибудь, помогите...

Я, уже было совсем отчаялась, упала на колени на уже сырой асфальт, но, спустя несколько минут, моя мольба оказалась услышанной. Лязгнули тормоза, и около меня остановилась иномарка; молодая женщина открыла дверь, и спросила, не подвезти ли меня. Я помотала головой, залезла к ней в машину, обняла, и всхлипывая объяснила ей ситуацию. Женщина подала мне своё пальто, позвонила в скорую, взяла аптечку, и мы побежали к скамейке.

Нервно кусаю губы, боюсь, что ты не дождался меня. Я подбежала, прислушалась к твоему сердцу – очень тихо, но бьётся! Женщина, промокнула и обработала рану, попыталась остановить кровь, а я всё время держала тебя за руку и целовала тонкие пальцы...

Наконец подъехала скорая, и нас увезли. Потом тебя перевели в операционную, а я ждала в коридоре и молилась о тебе. Это ожидание было самым долгим и мучительным в моей жизни. Я думала, такие вещи случаются только в кино, что в жизни все просто и спокойно, и всегда со смехом относилась к таким вещам. Дура. Жизнь больно бьет по самому больному. Я сидела около операционной и прислушивалась, но ничего не было слышно. Ничего. Только стук капель

о стекло в коридоре. И биение моего сердца.

В такие минуты ты все понимаешь. О жизни. О людях. О любви. Тебе не нужны слова, не нужны деньги, не нужно ничего, что интересовало раньше. Ты просто молишься...

2007

Снежинка

М

розовый, январский вечер. Темнеет рано, уже в шесть часов город утопает в ночной мгле. Очень холодно, мои пальцы покраснели и не слушаются. Я уже полчаса стою на автобусной остановке, облепленная снежинками, замёрзшая и расстроенная. На лице иней от недавно выплаканных слёз. Трясусь от -25 градусного мороза. Мимо проехали уже три моих автобуса, а я не могу поехать домой. Нет денег на проезд, да и ехать надо с пересадкой.

Сегодня с утра не задался день. В школе за контрольные по алгебре и физике получила «2», вдобавок к этому, мальчишка в столовой облил меня киселём. Кошмар! Выпускной класс, нельзя получать плохие отметки, а я весь учебный год учусь кое-как. Потому что мысли обо всём на свете, кроме учёбы...

Моя лучшая подруга угодила в больницу, на другой конец города. А я, естественно, поехала её навещать. Родители у меня строгие, практически никуда меня не отпускают, поэтому им пришлось соврать, что в школе будут элективные курсы.

Навестила подругу, мы с ней мило поболтали и от души

посмеялись. Просидели мы долго, поэтому я, сломя голову, побежала из больницы к остановке. Прибежала и поняла, что мне чего не хватает. Чёрт! Забыла сумку в фойе больницы! Ругая себя по дороге, вернулась обратно. Но сумки уже не было. Обыскала всё, поспрашивала посетителей, сбегала до подруги – всё без толку. Сумку увели. Для меня это был шок, у меня там лежали ключи, проездной, деньги, мобильник, косметика. Разревелась. Я очень эмоциональный человек, мне трудно сдержаться.

Пришла на остановку и абсолютно не знала, как связаться с родителями. Мобилы нет, денег нет, а самое обидное то, что у моей подруги сотовый в ремонте. Она его нечаянно испукала в ванной.

Никаких вариантов. Даже если я пойду домой пешком, хотя дороги-то не знаю, то приду часа через три. Хуже всего, что родителям обещала быть дома в четыре-пять, а уже шесть! Когда узнают, что я такая безалаберная, посеяла сумку с новеньким телефоном, то закатят такой скандал! Даже домой теперь не хочется. И так с родителями часто ссорюсь, а тут ... меня на полгода накажут. Никаких прогулок, компьютера, фотика, а телефона и подавно не будет. Эти их дурацкие наказания...

Села на обледенелую лавочку и попыталась сосредоточиться. Надо же что-то придумать, причём срочно. Но, не у прохожих же деньги клянчить. Блин... как же всё по-дурацки. Мне стало жутко обидно, что я попала в такую ситуацию

из-за своей глупости. Так грустно... Что же делать? Опять заплакала. Слезы сами собой покатались. Ну вот, теперь ещё и тушь размазалась. Прекрасно! Я плакала, а на перчатки мне всё летели снежинки. Хорошо им живётся, никаких забот: ни экзаменов, ни упражнений для поддержания фигуры, ни сальных волос, ни разлук с любимым человеком...и сумок они не теряют. Вот бы мне быть снежинкой...Эх! Я закрыла лицо руками и тихо сидела, мёрзла.

Из оцепенения меня вывело непонятное ощущение. Меня кто-то тормозил за плечо и что-то говорил. Я подняла голову и увидела перед собой симпатичного парня, в спортивной куртке и синей шапке, из-под которой пробивались белокурые волосы:

– Девушка, я вас еле нашёл! Вы сумку оставили около гардероба. У меня там бабушка работает, вот попросила отнести. Ну, не плачьте...

Ура! Моя сумка! И в придачу к ней симпатичный парень, года на два старше меня. Он протянул сумку и улыбнулся. Я улыбнулась в ответ, смахнула застывшие слёзы перчаткой и, поблагодарив, забрала у него сумку:

– Может вас проводить? Вы в таком состоянии... идти по вечернему городу одной нельзя. Меня, кстати, Лёша зовут.

Я снова улыбнулась и почувствовала, что былой грусти и след уж простыл. Ещё бы. Всё налаживается. Как же пре-

красна жизнь! Пойду домой с таким очаровашкой. Он мой спаситель! Да, всё-таки здорово, что я человек, а не холодная снежинка...

2007

Колыбельная

Тем мирам, которые мы не видим, посвящается.

*Навеяно "Детями Тьмы", с использованием песни Ю. Бу-
жиловой "Спи".*

ДДДДД

*Дай мне хоть раз утонуть без тебя... Холодной ногой
дотянутся до дна...* Я надеюсь, ты не выйдешь сейчас из
нашего дома и не пойдёшь на поиски меня, к озеру. Ты дол-
жен тихо спать на кровати, видя прекрасные сны и слыша
мой убаюкивающий голос. Ты не одобрил бы мой поступок,
любишь меня. Но я знаю, что не заслуживаю твоей любви.
Особенно, если она основана на лжи. Не достойна ни тебя,
ни своей жизни.

Потерять контроль... над второй половиной своей сущ-
ности – вот что страшно. Любимый, ты не знаешь, в кого я
превращаюсь...

Всё началось в детстве. Унижение, травля, ненависть к своему существованию – мои воспоминания. Другие дети ненавидели меня, мучили и закидывали камнями. Я не была похожа на них. Однажды после того, как меня в очередной избili, я лежала зарёванная на берегу и мечтала лишь об одном. Быть с ними. Таким же человеком, как они. Они унижали меня, а я любила их, не хотела убивать, просто не могла контролировать то, что было во мне.

Я не оборотень. Ничем не похожа на волка и, к тому же, мне не страшны полнолуния. Раньше это начиналось само по себе, не связано ни с чем. Сейчас чувствую своё превращение за три часа. За это время я успеваю, наговорить тебе лживых объяснений и, сев в машину, уехать подальше. Чтобы ты не пострадал.

Ненавижу себя! Мучаюсь, потому что *оно* вырывается на свободу и убивает. Крылья нет, совсем не ангела, кожистые с шипами, перепонками и чешуёй, коричневые рожки на голове, острые когти и клыки, бешенный взгляд глаз, налитых кровью и желанием, безудержное -убивать... Это другое существо во мне проявлялось в разное время. Я никогда не могу совладать с ним. *Оно* убивает жестоко, наслаждаясь каждой отрицательной эмоцией, каждой каплей человеческой крови и ужасом, застывшим в глазах. Моя душа всё видит и не может остановить его. Когда становлюсь собой – душат воспоминания. Крики в голове... Я не могу так!

Прости, милый. Я должна сделать это. Поэтому сегодня ночью пришла сюда, чтобы утопиться. Утопить всю ненависть к себе, забыть о деяниях. И не вспоминать тех лиц. Убью через себя *Его*. И больше никто не пострадает.

Я на берегу реки, почти рядом с нашим домом. Вода ласкает голые ноги, босыми ступнями я ощущаю шероховатый песок и мелкие камушки.

Песок я увижу желтеющим небом, к нему подниму свои мокрые крылья... Его ловлю...

Небо. Прекрасное и высокое. Нет ничего, что могло быть красивее неба. Даже сейчас, на закате, затянутое тучами, желтыми и красными отблесками – оно великолепно. Я буду скучать там, в мире усопших, только по небу и по тебе.

Она обещала изгнать из меня это существо, в обмен на голос. Но солгала, забрав мою вечную жизнь и голос. Объяснила мне, что я демон. Теперь могу целый час контролировать его после превращения, но потом... *Я превратилась вчера в чей-то шёпот. Я подарила свой голос другим, а именно старухе – колдовке. Оно снова пробивается. А я не могу ничего сделать.*

Может не стоило со мной встречаться, тогда? Говорил, что у меня нечеловечески красивые глаза и был близок к ис-

тине. Я не говорила тебе, кто я есть. Боялась, что не останется ни одного человека, который будет любить меня. Надо было всё рассказать тебе раньше, ведь так тяжело врать твоим серым глазам. Мне стало легче, когда я нашла тебя. Ты моё облегчение, именно ты мешал мне умереть. Зачем вытаскивал меня из петли, зачем вылавливал меня из реки, зачем отвозил меня в медпункт, после того как я травилась?

Ты не касайся воды, не щекотно. Теперь – не спасёшь. Я знаю, скоро забудешь меня. Будет нормальная семья, не то, что было у тебя со мной. Какой-то глупый гражданский брак. Я не стремилась в ЗАГС и заводить детей, я понимала, что рано или поздно так всё и закончится.

Дай мне хоть раз утонуть без тебя, не спасай меня. Бесчисленное количество жизней погибло из-за меня... Не могу дальше так. О, вода поглоти меня, забери мою ненужную жизнь... И, вот *хотя бы во сне* рассказала тебе всю правду. Ты слышишь, но не проснешься, ведь я пою колыбельную, впервые мои гипнотические способности понадобились и для тебя.

Спи, я – твои тихие сны. «Спи», достаёт до горла, ноги путаются в тине. Грязное, мутное, но достаточно глубокое озеро... Мокрый, пропахший камышами и лягушками воздух. Я погружаюсь вниз, ко дну, очень холодно, очень...

Спи...

2007

Только ты не плачь

– Нин, он ... твой брат меня бросил... Он сказал, что нашёл другую – сказала я сквозь слёзы и выронила кружку с кофе.

Фарфоровая чашка упала и разбилась на множество мелких осколков.

– Игорь? Да как он мог?

– ... пока не пойду ни в школу, ни к тебе, не хочу его видеть.

– Я к тебе сама приду, только не плачь...

Так и закончилась история моей Большой Любви. Игорь, красавчик, сразу пленил меня своим взглядом, стройным телом и широкой улыбкой. Он учился в параллельном классе и был весьма популярен в школе. Мы пару раз виделись, но познакомились на дне рождения Нинки – его сестры...

Весь вечер танцевали вместе, на следующий день вдвоём гуляли по городу, ели мороженое и целовались. Мы с

ним всегда долго разговаривали по телефону, часто менялись дисками и ходили в кино. Всегда когда мне было плохо, я просто прижималась к нему и благодарила Бога за то, что он у меня есть. Когда ругалась с родителями, представляла себе его глаза, губы и успокаивалась, переставала огрызаться. А оценки! Я же выправила все свои двойки, чтобы меня только отпускали гулять. Идя домой со школы, я мечтала о том, что он всегда будет со мной. Эх, всё это счастье продлилось только два месяца.

Девчонки уже давно мне говорили, что он собирается меня бросить, но я не верила. А сегодня он сказал, что всё кончено. И что после этого делать? Я ревела, кричала на него, потом умоляла, чтобы он не уходил, но тот только хмыкнул и ушёл.

Достала из фотоальбома его фотку. Он тут слегка пьяненький, в кепке и мастерке,... почему ты меня просил? За что? Я что такая страшная? Или тупая? Почему?

Самое дурацкое, что в голове крутятся все эти воспоминания, губы жжёт от его поцелуев, а на талии до сих пор находятся его нежные пальцы.

Так, я в депрессии просидела дома, симулируя простуду. Не ходила в школу две недели. Потом решила, что хватит

пора начинать жить. Что Игорь последний парень на земле? Да он – мерзавец! Как он мог бросить меня? Я ведь так его люблю, никто так искренен к нему не будет, но он проворонил меня...

Стала ходить в школу, он со мной здоровался, но я ничего не говорила – отводила взгляд. Но к подруге я частенько заходила, мы пили чай, гадали на таро, слушали музыку и смотрели комедии. А Игорь, со своим дружкой Славиком, типичным компьютерщиком в очках и ростом под два метра закрывался у себя в комнате и орудовал у себя на компе. У них были свои интересы. Всё было бы хорошо, я бы его игнорировала, он бы меня не вспоминал, но тут я кое-что увидела. Один раз зашла за Нинкой погулять, та мне открыла, но в дом не пустила:

– Нин, да ты одевайся, я тебя подожду в прихожей.

– Не заходи, ...стой у подъезда – побледнела она

– Да брось ты, бардак я твой уже пятьсот раз видела.

Отодвинула Нинку и прошла внутрь. О, лучше бы я этого не делала! На пороге мой любимый, солнышко Игорь целовался с какой-то расфуфыренной девицей во всё белом. Чёртова Белоснежка! Мне стало так противно, а на щеке появи-

лась влажная дорожка от слезы. Я просто стояла и смотрела, меня, будто парализовало. Он был с другой, а я в это время его любила! А потом в глазах помутнело, в ушах застучало, и я упала...

Когда очнулась, то поняла, что лежу на диване в комнате Игоря. Они все, кроме той девчонки, стояли около меня. Нинка держала ватку с накапанным нашатырным спиртом, от которого я и очнулась. Мерзкий запах. Славик деловито поправил свои очки и сказал, что так бывает от утомления. Ничего страшного... Ага, как же! Посмотрела на Игоря, он отвёл глаза. Ах, тебе стало стыдно? Я попрощалась с Нинкой и ушла домой.

Так тянулись дни. Учёба закончилась, наступил июнь. Я целыми днями сидела у Нинки, Игорь уходил на свиданки или сидел со Славиком, а мы наслаждались свободой. Однажды, когда мы были одни дома у Нинки, зазвонил мобильник. Незнакомый номер. Но, я больше удивилась, услышав голос Славика, и сразу включила громкую связь, Нинка покатывалась со смеху, ведь он звал меня погулять.

Я была ошарашена, а моя «добрая» подруга сказала, чтобы я согласилась. И пришлось. Так что в течение двух недель я гуляла со Славиком – этим ботаником. Ели мороженое, сидели в кафе, ходили в кино. Просто болтали и, слава Богу, не

целовались и не обнимались. Я с ним гуляла из мести Игорю, думала тот расстроиться. Ну-ну... Но, в конце концов, стало невыносимо гулять под ручку с тем, кто тебе ни капли не нравится. Я всё жалела Славика, думала, мальчик безумно влюбился, а я разобью ему сердце. Но решила расставить все точки над «и».

И вот когда мы гуляли на набережной, я сказала:

– Славка, ты – клёвый парень. Умный, добрый, но я всё ещё Игоря люблю.

Славик засмеялся, я удивленно застыла на месте. У него что истерика?

– Да, успокойся ты. Ты вообще не в моём вкусе. Мне нравятся такие же девушки как я. Умные, высокие, в строгих очках, длинных юбках...

– А зачем со мной гулял?

– ...ну, это Игорь... Ты, когда в обморок упала, он всё время только о тебе говорил. Он ведь гордый. Послал меня, чтобы я разузнал про то, как ты к нему относишься. Но ты мне ничего не говорила, и я подумал, что ты его разлюбила. Сказал ему. Очень переживал...

– Дурак – ты! Где он сейчас?

– Должно быть вещи собирает. Он в другой город едет, поступать в универ.

Я не попрощалась с ним, а только быстро побежала вдоль набережной к остановке. Минут десять ждала трамвая. Блин! Перекрыли движение. Но надо успеть. Я забежала к своему двоюродному братцу, который жил тут недалеко, взяла у него скейтборд и по тротуару поехала к Нинке домой. Минут через двадцать я была на месте. Подхожу к подъезду, а он выходит. С сумкой и рюкзаком. Такой красивый и серьёзный. Он нерешительно посмотрел на меня и отвёл взгляд:

– Нинка ушла со своим парнем в кино.

– А я не к ней, а к тебе.

Он, молча, стоял, а я просто подошла и обняла его, сумка выпала из его рук. Игорь крепко обнял меня, я прижалась к нему. Ведь, я так долго не ощущала его тела, даже забыла запах этих духов. Он поцеловал меня в волосы:

– Ты меня простишь? Ведь я люблю тебя. Я это понял, и боюсь тебя потерять. Простишь?

– Конечно, глупый...

Для оформления обложки использовано фото автора [Pablo Merchán Montes](https://www.unsplash.com) «enamorados» с фото-стока с <https://www.unsplash.com>.

Если вы получили эту книгу бесплатно – прошу перевести любую сумму на благотворительность.